

Татьяна Юрьевна Степанова
Темный инстинкт
Серия «Детектив-триллер», книга 9

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128097
Темный инстинкт: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16246-1*

Аннотация

Словно сама смерть поселилась на роскошной даче всемирно известной оперной примадонны Марины Зверевой: ее мужу перерезали горло, ближайшей подруге разбили голову каминными щипцами, саму певицу задушили в собственной спальне. Нет, это не дело рук беглого маньяка-убийцы, бродящего где-то в округе – к такому выводу приходит следствие. Убийца – человек из ближайшего окружения Зверевой. По ходу расследования выясняются все новые, порой весьма пикантные, подробности жизни столь дружной с виду семьи, члены которой одержимы самыми темными страстями и инстинктами...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Степанова Татьяна

Темный инстинкт

«Покорный раб ищет Строгую Госпожу».
Из газеты брачных объявлений

Глава 1

Сон

«Это был странный пугающий мир, где бесконечными вереницами шествовали рыжие муравьи величиной с кошку, где по стенам разрушенных домов вился багровый плющ, где капля за каплей назойливо долбила камень и от влажной духоты было нечем дышать.

И все это, милая Елена Александровна, я видела и ощущала чрезвычайно отчетливо, с ужасом понимая – это и есть ТО САМОЕ МЕСТО, где мне и надлежит теперь обитать. Мое убежище, моя последняя нора. Но прежде я должна освободить его от... Я путано рассказываю, но не беда – вы поймете, а бумага стерпит. Словом, там, на полу, покрытом какими-то домоткаными половиками (отчего именно домоткаными, интересно?), лежал труп. Я не могу уточнить, хотя и подозреваю, как для вас это важно, принадлежало ли то призрачное тело мужчине или женщине. Этого я не знала тогда во сне. Знала только, что *от трупа я должна во что бы то ни стало избавиться*. От этого зависит сама моя жизнь. И вот я схватила тело за ноги и волоком потащила в ванную, понимая, что вынести тело целиком мне не под силу. А значит, для того чтобы избавиться от этого ужаса, мне сначала предстоит *расчлени*ть его. Ванна, старая и ржавая, словно плыла сама по себе в серой пустоте. Я опустила тело в ванну, извлекла откуда-то снизу пилу (просто протянула руку и взяла – понимаете?), приложила ее сначала к коленям. Затем подумала, что легче было бы начать с рук, с плечевого сустава. А затем уже подумала, что самое страшное – это отчленять голову. И тут в это самое мгновение я увидела: ОН смотрит на меня. И глаза его – мои глаза. И проснулась!»

Елена Александровна опустила письмо на колени и вопросительно взглянула на своего внука Сергея Мещерского, стоявшего у окна, за которым сеял мелкий, скучный московский дождик. Мещерский привез ей продукты, газеты, а также почту. Делал он это регулярно – каждый вторник и каждую пятницу. Сегодня и была как раз пятница, а на дворе стоял сентябрь, золотой и тихий.

– Ну и что ты на это скажешь, Сереженька? – Она отложила письмо в сторону и сняла очки-хамелеоны.

Мещерский пожал плечами.

– Сейчас редко кто пишет письма, баба Лена.

– Марина писала мне всегда.

– И всегда рассказывала свои сны?

– Не смейся.

– Да разве я смеюсь? Я умиляюсь. Прислать письмо только для того, чтобы рассказать мерзкий сон. Стильно, ничего не скажешь. Она что, объяснений от тебя требует?

– Марина тревожится.

Мещерский отвернулся к окну. Баба Лена в своем репертуаре – вещие сны, гадание мадам Ленорман, предсказавшей судьбу Наполеона, карты Таро, труды Блаватской на прикроватном столике, статьи о проблемах месмеризма (да-да! – статьи и какие, несмотря на груз восьмидесяти лет) в новомодный теософский журнальчик «Светоч жизни», посещение «Сред» в культурном центре музея Рериха. И длинная очередь тех, кто приходит в эту тес-

ную однокомнатную квартирку в доме у Павелецкого вокзала (в том самом, где гастроном), чтобы посоветоваться с «милой, чуткой, мудрой Еленой Александровной о сугубо личном, деликатном и крайне важном».

Баба Лена вот уже лет двадцать как слыла одной из самых влиятельных и модных столичных гадалок и предсказательниц. Как ей удавалось столько лет держаться на гребне мистического успеха, внук ее Сергей Юрьевич Мещерский только диву давался. Однако среди посетителей Елены Александровны сплошь и рядом попадались люди известнейшие – балерины, музыканты, актеры, певцы, художники. Ей звонили со всех концов бывшего Союза – из Тбилисской духовной академии, Ассоциации ясновидцев Эчмиадзина, Львовского Круга Посвященных, Сербской Лиги Радуги и многих других модных и весьма туманных организаций. Одно время (как раз перед последними выборами) в квартирку на Павелецкой зачастили какие-то юркие бородатые человечки – все вроде какие-то «аналитики», политологи, обозреватели чего-то и при чем-то, секретари-референты исполнительных комитетов каких-то партий и доверенные лица кандидатов в депутаты. И все они жаждали, а точнее, даже пылко алкали немедленных и максимально точных прогнозов, обещаний, категорических ответов новоявленной великой Дельфийской Пифии, увы, потерявшей свой традиционный треножник.

От всего этого утомительного и крайне распушенно-политизированного бедлама у милейшей Елены Александровны резко подскочило артериальное давление, и она, по ее горделивому выражению, «недвусмысленно указала политикам на дверь».

– Я не шарлатанка, – гневалась баба Лена. – Этим молодчикам более подошли бы те, с позволения сказать, *колдуны*, которые публикуют объявления в газетах, продающихся в электричках: «Приворожу с гарантией. Оплата по конечному результату».

С тех пор она предпочитала давать консультации только избранному кругу лиц – в основном давним и проверенным своим клиентам, в числе которых, как знал Мещерский, была и...

– Марина пишет, что похудела на одиннадцать килограммов, – Елена Александровна вновь вернулась к письму. – За границей сейчас сносно лечат от ожирения. Не хмыкай, пожалуйста. Избыточный вес – проблема всех выдающихся певцов. Это плата за голос. У них всех что-то происходит с диафрагмой. Взгляни хотя бы на Паваротти. А для певиц эта проблема нередко вообще оборачивается катастрофой. Тем более при таких щекотливых обстоятельствах, как у Марины.

Мещерский оторвался от созерцания заоконного пейзажа и уселся в кресло напротив. Баба Лена уже все уши прожужжала про свою Марину. Правда, совсем уж ничего о Марине Ивановне Зверевой стыдно было бы не знать. О ней, кстати, охотно и подобоострастно повествовалось в последнем выпуске передачи «Оперная сцена». Зверева была знаменитой певицей, несравненным меццо-сопрано, жемчужиной русской оперной школы. Последние десять лет она выступала только за рубежом. Но Мещерский еще помнил те времена, когда в начале восьмидесятых он студентом-первокурсником вместе с Еленой Александровной посещал Большой театр, когда там давали «Бориса Годунова», где Зверева блистала в роли Марины Мнишек. После каждой ее арии партер и ложи взрывались громом аплодисментов.

– Она что, совсем уже не поет в театре? – спросил он, надо же было проявить уважение к бабуле и выказать заинтересованность в том, что ее занимало в данную минуту.

– Она дает только сольные концерты. Ей платят столько, что теперь она может уже это себе позволить. Записи мне, между прочим, присылает с каждого.

– Ба, а ей сколько лет-то?

– Кажется, пятьдесят два.

– И ты говоришь, она опять вышла замуж?

– Вышла. Год назад. А что тут удивительного? Ну что ты все время хмыкаешь? Ты вылитый твой дед-покойник. Он тоже все вот так губы кривил. Где тебя воспитывали, обол-туса?

– В интернате. Ну, извини. Забавно стало. И в который же раз она промаршировала под венец? В третий, в четвертый?

– Это ее четвертый зарегистрированный брак.

– Живут же люди. Тут и один-то раз никак не женишься. Мда-а, здорово. Ну а что она от тебя-то хочет по поводу этого своего кошмарика?

– Она хочет, чтобы ей помогли. Ты помог.

– Я?

– Именно ты. Не знаю, откуда у нее уверенность, что на столь легкомысленного субъекта можно положиться в трудную минуту, – Елена Александровна поджала губы. – Но именно этого она хочет... Словом, она просит тебя приехать в Сортавалу и побыть там, пока окончательно не решится дело с...

– С чем же?

– С оглашением завещания.

Мещерский поморщился.

– Да, чудные времена наступили, Сереженька, – Елена Александровна заметила реакцию внука. – Звучит как, а? *Оглашение завещания!* Фу-ты ну-ты – ножки гнуты. Но все дело в том, что сейчас появились люди, которым действительно *есть что завещать*. Много таких народилось – словно шампиньонов на куче сам знаешь чего. Откуда деньги? О, этого нам уже не скажут. Но Марина не из их породы. Она великая певица. Гений. По ее жизни будут судить о нашем времени – о конце века, конце тысячелетия. И вообще, близятся сроки, Сереженька, близятся. Я чувствую это. Мир меняется. И этот сон – только предвестник.

– Чего предвестник, баба Лена? – Мещерский задавал вопросы с добродушным любопытством. Бабулю снова кинуло в пучину мистических символов.

– Надвигающихся событий, мой мальчик. Какие они будут, гадать не хочу – не знаю. Но что будут, я чувствую. Мы все скоро в этом убедимся.

– Этот сон – результат плотного ужина. Сама же говоришь – Зверева толстая, поест любит. Вот и приснился кошмар с трупом.

– Труп – это как раз не самая важная деталь этого сновидения, – Елена Александровна откинула гладко причесанную седенькую головку на спинку кресла. – Еще Птолемей Эфесский в своем труде «О снах и событиях» указывал, что мертвецы обычно снятся к переменам погоды. И это проверено практикой.

– Ну да, к дождю. А что же тебя тогда в этом кошмаре так насторожило? Погоди-погоди, – Мещерский даже оживился. – Я сейчас вспомню, что она там еще перечисляла: гигантские муравьи... брр – пакость, багровый плющ, ванна, пила... И привидится же такое: расчленение жмурика. А по-твоему, какая в этом сне ключевая деталь? Ну что старичок Фрейд мог из всего этого извлечь?

Елена Александровна не отвечала. Мещерский подождал, потом взял письмо.

– И все же я прошу тебя, Сережа, съезди к Зверевой и погости у нее недельку-другую, пока там все не уладится. – Елена Александровна протянула руку и погладила внука по голове. – Она пишет, там соберутся родственники, ее друзья. Заодно и познакомишься с ними. И с новым ее мужем тоже. Думаю, это будет весьма интересно.

– Значит, это она родственников боится? Из-за завещания, да?

– Марина в своей жизни, а она была у нее трудной, никогда и ничего не боялась. Но у каждого из нас наступает момент, когда теряем ощущение реальности. И вот в такие периоды обращаемся к волхвам. Нас страшит свобода самостоятельного выбора. И все кажется, что кто-то – неважно, по кофейной ли гуще, по картам ли, звездам – укажет нам самый верный,

самый безболезненный и легкий путь. Как будто это возможно! Но Марина не стала бы просить такой банальной и лживой подсказки. Она всегда все решала для себя сама – и в творчестве, и в жизни. И сейчас тоже решит... Бог даст. Но ей просто необходимо, чтобы рядом с ней оказался человек или люди, которые смогли бы успокоить ее тревогу и защитить ее.

– Да от кого защитить-то? – воскликнул Мещерский. – Ну скажи прямо: певица боится семейного скандала из-за завещания и хочет нанять кого-нибудь, например, телохранителя, который смог бы все это безобразие пресечь. Ну так, нет?

– Пусть будет так, если тебе проще именно этой фразой обозначить складывающуюся ситуацию. К слову, там чудесные места – Карелия, Ладога. Северный рай. Дача комфортабельная в сосновом лесу на берегу озера. Все равно ведь ты в отпуске, бездельничаешь.

– Мы с Кравченко хотели в Сочи махнуть на той неделе. У него тоже отпуск с понедельника.

Елена Александровна улыбнулась. Она преотлично знала Вадима Кравченко – закадычного приятеля своего внука.

– В таком случае поезжайте вдвоем. Тем более твой приятель профессионал в подобных делах, ты сам мне хвастался.

Мещерский снова поморщился. Кравченко, в прошлом кадровый офицер КГБ (а потом ФСБ), в настоящее время тянул лямку (за очень даже неплохие, как он выражался, бабки) начальника личной охраны у столичного бензинового короля Василия Чугунова, более известного в деловых кругах под кличкой Чучело. Однако его босс вот уже три месяца подряд как лечился от цирроза печени в частной клинике в Бад-Халле в Австрии. И намеревался пробыть там до самой глубокой осени.

Кравченко неотлучно провел возле него все лето, а теперь, сдав опостылевшее больничное бдение напарникам-телохранителям, приводил в порядок дела службы безопасности в московском офисе Чугунова. С понедельника же у него наступал законный отпуск.

Ну что ж, в принципе Вадька, если б захотел, смог бы составить ему компанию – Мещерский вздохнул и спросил примирительно:

– А что вдруг Зверева в такую глушь забивается – в Карелию? Что, другого места не нашлось для родственного съезда?

– Ну какая глушь? Там курорт, целебные воды. Раньше очень славились. Ее первый муж, ныне покойный, построил там дачу, считай что виллу, – это когда они Государственную премию получили за постановку «Царской невесты», – в кооперативе. Тогда, в семидесятых, весь Большой театр строил дачи в Прибалтике – в Эстонии, на Рижском взморье, в Клайпеде. А Зверева с мужем и еще некоторые остановились в Сортавале. Она пишет, там очень красиво: настоящая маленькая Финляндия. И дом превосходный, она его несколько лет назад перестроила. Туда время от времени навещались дочь и сын, дети первого мужа от первого брака. А потом, – Елена Александровна снова улыбнулась, – Марина верит в особую благотворную ауру этого места. В этом доме она всегда чувствовала себя хорошо.

Мещерский не выдержал и снова хмыкнул. Престарелая дама посмотрела на внука с сожалением.

– Не смейся над старухой бабкой, о, она еще не выжила из ума. Дома, где мы живем, влияют на наши судьбы. Вот, например, кумир твоего детства Брюс Ли купил дом в Гонконге, предварительно не посоветовавшись с тем, с кем нужно. А потом что-то почувствовал. *Что-то такое*, понимаешь? Нехорошее. Пошел, спросил старых людей. А прогноз оказался самый мрачный: проклятое место. Но деньги уплачены, разве дом бросишь? Ну и остался. А что с ним стало, ты знаешь лучше меня. Далее: его сын Брендон Ли жил в том же доме. Как он кончил, какой нелепой и загадочной гибелью на съемках фильма – ты тоже читал, наверное. Так что... – Елена Александровна устало закрыла глаза. – А Сортавала очень тихое место:

сосны, озеро, скалы, чайки. Из Питера добраться просто. Семья съедется туда на отдых, ну, заодно и дела должны решиться.

Мещерский хотел было спросить, зачем певице вдруг приспичило так срочно решать имущественно-наследственные вопросы и втягивать в это решение родственников, но вместо этого спросил совсем о другом:

– Ба, а у тебя ее записи есть? Хочется услышать ее голос. Ну, чтоб окончательно с тобой согласиться.

Старушка молча кивнула на столик в углу комнаты. Там стоял магнитофон-двухкассетник (подарок внука). Кассета была уже вставлена. Мещерский включил. Слушал молча.

– Это ария принцессы Эболи из «Дон Карлоса», – сообщила Елена Александровна наставительно.

Мещерский кивнул: Верди. Ария кончилась. Секунду было тихо, а затем с пленки зазвучал новый голос – высокий, чистый, кристально ясный. Совершенно иной по тембру и окраске.

– Неужели это тоже она? – Мещерский обернулся. – От таких низких нот к такому... Как она поет!

– Это не она поет.

– Не она? Я думал, что на этой кассете у тебя нет других певиц.

– Это не певица, – Елена Александровна тяжело поднялась из кресла. – Это «Пирр и Деметрий», редко исполняемая опера Скарлатти. И поет в ней редчайший голос – мужское сопрано.

– Мужское?! Но это... черт возьми, это же женский голос!

– Это поет Андрей Шипов. Восходящая звезда русской оперы. Муж Марины, с которым ты, надеюсь, скоро познакомишься.

Мещерский смотрел на магнитофон, недоверчиво вслушиваясь в нежные рулады, причудливое кружево сложнейшей колоратуры этого, как оказывается, не женского, но никак и не мужского, а какого-то *ангельского* голоса – *небесного*, абсолютно бесполого.

Прошло три дня. Теплым вечером, навевавшим мысли об ушедшем лете, Мещерский и Кравченко сидели в комнате отдыха на тренировочной базе охранной фирмы «Стальная лилия», где Кравченко по контракту консультировал группу выпускников.

Мещерский стал гостем «Стальной лилии» не впервые. И каждый раз его здесь чем-нибудь да удивляли. Однажды он наблюдал тренинг новичков. В зале для стендовой стрельбы дюжие молодцы занимались странной гимнастикой – быстро и резко приседали, прыгали, бежали на месте, а затем молниеносно выхватывали пистолет и по-ковбойски (несколько нелепо и картинно) палили по мишеням. Тренер пояснил тогда Мещерскому, что у новичков искусственно вызывается чувство страха: «Семьдесят приседаний – и достигается нужная степень возбуждения. Они должны победить страх. Таким образом мы готовим их правильно *входить в перестрелку*».

В следующий раз Мещерский лицезрел здесь еще более причудливый вид гимнастики, скорее смахивающей на фантастические балльные танцы. Разбившись на пары, тренирующиеся под музыку кружили по залу, слегка касаясь друг друга плавными отточенными движениями. И вдруг весь этот балет сменился серией жесточайших ударов. Кравченко, ухмыляясь, потом объяснил приятелю: «Это *капоэйра*, Серега. Сейчас все прямо помешались на этих танцульках. Капоэйра – древнее бразильское боевое искусство. Ты бы посмотрел, как профессионалы ее «пляшут»! К нам тут приезжали испанцы из мадридской школы. Вот это, я скажу, зрелище. А наши – битюги, тяжелы на подъем. Но денежки за обучение платят. Желают блеснуть перед боссом капоэйрой, ну и пусть. Мы не препятствуем, троих инструкторов наняли и хореографа».

Сейчас, попивая горячий чай из термоса, Кравченко только благодушно шурился и кивал, слушая рассказ приятеля о певице Зверевой и ее приглашении. Налил другу вторую чашку, бросил туда кусочек лимона. Изрек словно бы в раздумье:

– Собственно, мне без разницы, куда податься. Скучно тут. Скоро дожди начнутся в Москве. Только и там мы засохнем, Серега, с тоски. С этой вашей оперой...

Мещерский пил чай.

– Катя звонила? – спросил он тихо.

– Угу. Довольная! Приедет второго октября. Просила встретить в Шереметьеве. С музыкой, между прочим.

С девушкой Катей – сотрудницей пресс-центра областного Управления внутренних дел, капитаном милиции и журналистом в одном лице, у приятелей отношения были сложными. «Треугольник» давно уже требовал *благородного жеста*. И Мещерский с грустью сознавал, что сделать его, видимо, предстоит именно ему: «Уйду с дороги, таков закон...» – напевал он порой словно бы в шутку и сам притворялся перед собой, что это всего лишь старая песня, а не мудрый совет, поданный свыше. Неделю назад они проводили Катю вместе с двумя подругами в Грецию – в отпуск. И теперь оба скучали, хотя и не желали в этом признаться друг другу.

– Мы к концу сентября вернемся, – робко начал Мещерский. – Катюшка рада будет, что мы глотнем свежего воздуха. Делать на этом озере особо нечего, я так понял. Ну, если конфликт возникнет – вмешаемся. А нет – так проживем. Там у них лодка моторная, корты есть.

Кравченко слушал внимательно, однако нашел нужным возразить с кислой миной:

– Дожди ка-ак зарядят там. Размокнем, как промокашка. Балтика ж! Правда, пиво там... Да ладно, давай рискнем. Поедем, сделаем приятное Елене Александровне. Кстати, передай бабуле, что я ее по-прежнему нежно люблю. Слушай, а в чем там все-таки дело? Не темни. Кроме этого идиотского сна, что еще?

– Ничего.

– Как? Так из ничего и выйдет ничего, друг мой ситный. Насколько я понял, Елена Александровна определяет ситуацию как тревожную, требующую разрядки со стороны третьих лиц. А ты уверяешь, что речь не идет о реальной угрозе клиенту. Тогда за каким лешим мы в такую даль поперемся?

Мещерский вспомнил, что всего час назад Кравченко, надувшись от важности, читал своеобразную лекцию выпускникам «Стальной лилии» как раз на тему организации работы службы безопасности в случае возникновения угрозы жизни подопечного лица. В его вальяжно-небрежной, однако ужасно заумной речи то и дело проскальзывали такие перлы, как *устранение причины конфликта, нахождение компромисса, снятие эмоционального стресса* и тому подобное.

– А что делать, если клиент заявляет, что его хотят убить? – любопытствовал один из слушателей.

– Первый ваш шаг – скорейший вывод клиента из зоны опасности. Заметьте, мы еще не говорим о степени ее реальности – это вопрос особый, – вещал Кравченко. – Сначала вы должны немедленно сменить весь его образ жизни: местожительство, маршруты передвижения, график работы, отдыха. Установить наблюдение за всеми лицами, имеющими к нему доступ, обеспечить его личную охрану. Ну, это по возможности, естественно. – Кравченко улыбнулся. – И в этом случае никто вас не осудит, если вы предпримете и кое-какие меры в отношении себя. Только идиоты лезут на рожон. А потом вы можете заняться изучением и противной стороны, от которой и исходит эта реальная или вымышленная – это уж вам определять – угроза. Однако установить эту самую *противную сторону* бывает порой потруднее, чем выполнить все предыдущие пункты ваших обязанностей перед клиентом.

– Вадя, я так думаю: бабка зря меня просить не стала бы, – твердо сказал Мещерский. – О Зверевой, кроме уже сказанного, я больше ничего сообщить не могу. Звонил мне вчера ее секретарь. Считай, что получили мы с тобой официальное приглашение в гости от мировой знаменитости. Дама она оригинальная. Общается с такими людьми, про которых мы либо в газетах читали, либо в книжках, либо по телику их видели. А посему и ведет себя она соответственно. Муж ее – личность еще более занятая. К тому же, как мне бабуля призналась, и брак у них...

– На сколько она его старше?

– Кажется, на двадцать пять лет.

– Наскока-наскока? – Кравченко аж присвистнул. – Ты этого счастливчика видел?

– Нет. Только слышал, как он пел.

– Хорошо?

– Не могу тебе сказать. Чудно. Словом, ничего подобного я прежде...

– Увы, Серега, в опере я ни бельмеса. Ферштейн? С Катькой вон зимой на «Кармен» ходили в Большой, помнишь? Катька как лампочка вся светила, ты тоже – того, ну кумекал, в общем, даже замечания какие-то выдавал. А я – как пень. – Кравченко сокрушенно развел руками. – В одно ухо влетело, из другого... Так что с операми у меня – швах.

– Не в опере тут дело, Вадя.

– Ну это ясно. Наследство, да... А этот муж ее третий, ну прежний, действительно дорого стоил?

– Очень дорого. Зверева, насколько я узнал, выходила замуж четыре раза. Первый был дирижер Новлянский. У него к тому времени от первого брака было уже двое детей. Зверева с ним прожила почти десять лет. А потом уехала по контракту в Италию. Ну, брак и треснул. Но детей первого мужа она не забывала. Сейчас они уже взрослые, нам ровесники, но все равно к ней, к маме, жмутся под крыло: отец умер, а Зверева богата как Крез. В Италии она вторично вышла замуж за какого-то нашего тенора-гастролера, но прожили вместе они мало. А потом... Потом она где-то то ли в Америке, то ли в Австрии познакомилась с богатым стариком – гражданином Швейцарии. У него заводы по производству тефлона, химический концерн. В общем, капиталист – не нашим чета. От Зверевой и ее голоса он был без ума, ну и предложил руку и сердце, а заодно и швейцарский паспорт. Жили они хорошо... вроде бы, но старичок умер от инсульта. И все свое состояние колоссальное в обход швейцарских родственников по завещанию оставил своей русской жене. Там был долгий судебный процесс, домочадцы на ушах стояли. Но завещание есть завещание, никуда не денешься. И Зверева тяжбу выиграла. Все теперь принадлежит ей. А она... она, как видишь, снова вышла замуж. И муж – мальчишка желторотый. А кроме мужа, при ней или вокруг нее – это как хочешь – вьются теперь ее собственные родственники: мухи вокруг банки с медом.

– А почему она так торопится со своим собственным завещанием? Она же не на смертном одре?

– Этого я тоже не понимаю. Бабка говорит, что певица мнительная, к тому же любит порядок в делах. А скорей всего, как всякая истинная актриса, обожает эффектные жесты – все точки, так сказать, сама предпочитает расставить и полюбоваться на реакцию зрителей.

– А при чем тут чувство незащищенности? Страх? Кого она боится?

Мещерский заглянул в термос, налил себе еще чая.

– Думаю, что конкретно – никого. Просто у них с бабкой так повелось – певица жалуется: нервы там, женские страхи, возраст, климакс, а бабуля моя пудрит ей мозги мистикой, предостережениями, советами, «исполненными смысла». Женщины, что с них взять, Вадя? Да еще и пожилые.

– Мне не кажется, что все дело в таких пустяках, – неожиданно возразил Кравченко. – Милейшая Елена Александровна человек мудрый. Скорее всего она что-то знает или о

чем-то догадывается и хочет подложить соломки на случай чьей-то травмы. А моральной или физической... Что там певице привиделось во сне? Ну-ка повтори.

– Что она собственноручно намеревается расчленить чей-то труп. Ни больше ни меньше.

Кравченко поднялся с дивана и повел приятеля к директору «Стальной лилии». После получасового совещания они переключались в комнату, схожую видом с сейфом. На стендах здесь красовался целый арсенал – от мощной пневматики типа «хантера-410», помповых ружей «ремингтон-870» и «винчестер-1300» до винтовок «кольт спортер».

– И на все есть лицензия? – завистливо полюбопытствовал Мещерский. И, получив утвердительно-уклончивый ответ, прилип к витринам.

– Это все громоздкая муть, братва, – прогудел Кравченко. – Эту заморскую выставку опытный человек не глядя сменяет на родимого нашего «тэтэшку». Но на «ТТ» официального разрешения нам не дают, жмотничают. Клянчить не будем. А я вот эту штучку сейчас всему предпочитаю. – Он открыл витрину и снял со стенда некое подобие револьвера, но весьма модернистской формы. – В Москве пока по пальцам перечесать подобные модели можно, – похвастался он. – Это «деррингер» – универсальное оружие самообороны. Глянь, Серега, стреляет одновременно и в любой последовательности пластиковыми пулями, картечью, служит и как газовый пистолет, и как «ударник» большой мощности, ослепляет-оглушает и к тому же еще и сигналы подает. В общем, не убьет, но строго накажет в случае каких-либо безобразий. Самая эта моя *пушка*. По характеру мне. Жалею я людей что-то последнее время. Щажу. Психика вообще у меня стала какая-то мягкая. Не замечал за мной, нет?

Мещерский вертел в руках «деррингер».

– Ты Катюше про свой характер заливай. А это... думаю, подобная техника там нам не понадобится. Это уж чересчур как-то – на дачу в гости заявляться с «деррингером». Не поймут нас, а то еще и засмеют. Но на всякий пожарный... – Он сделал вид, что прячет пистолет во внутренний карман пиджака.

– На мою личную *капоэйру* не желаете взглянуть? – напоследок спросил их директор «Стальной лилии» – бывший коллега Кравченко по службе в конторе. – На дорожку, а? А то сейчас мигом организуем. И сто грамм качественных для расширения сосудов не повредят.

– Нет, спасибо, в другой раз. У нас билеты на ночной поезд. – Мещерский потянул оживившегося было приятеля за рукав. – Видишь, «Красная стрела», как в старые добрые времена. У тебя, Вадя, нижнее место, как ты любишь. Так что времени у нас остается только заскочить домой, собрать вещички да поймать машину до площади трех вокзалов.

Глава 2

Первая кровь

До Питера доехали без особых приключений. Соседями по купе оказались два флотских офицера с военной базы в Кронштадте. Они возвращались домой после обивания порогов в Министерстве обороны. Денег для своих подразделений, как ни просили, офицеры не получили и с горя решили пустить по ветру последние командировочные. Кравченко – человек компанейский, естественно, в долгу не остался. Короче, всю ночь купе гуляло. У Мещерского под конец застолья слипались глаза, и водка выплескивалась из стакана отнюдь не из-за вагонной тряски.

Утром на перроне Московского вокзала, тепло попрощавшись с моряками, Кравченко строго внушал Мещерскому:

– Ну времена! Мужикам жрать нечего. Жрать! Смотри, во что флот превращается. А тут какие-то певуны завещание не поделят, а? Дожили!

– Ты так упрекаешь, будто это я все затеял, – обиделся Мещерский. – Ты вон своему Чучелу врежь хоть раз о социальной несправедливости. Наверняка в глаза не скажешь.

– А я не говорил, что ли, ему? – взвился Кравченко. – Да тысячу раз, в лицо.

– И что же он?

– А! Чучело мое, когда трезвое, так рассуждает: все гребут, а я чем хуже? Не достанется мне, достанется другому. Уж лучше я буду родимую отчизну грабить, чем какой-нибудь паразит со швейцарским паспортом, который считай что и Звереву вон, красу и гордость русской сцены, с потрохами купил.

– Старик умер. Почил с миром. О мертвых либо хорошо, либо...

– А, – Кравченко снова отмахнулся, подхватил спортивную сумку. – Хватит трепаться, лови тачку. До Морского вокзала еще пилить и пилить.

До Сортавалы решили добираться водным транспортом – переправиться через Ладогу на «Ракете». Однако на двенадцатичасовую опоздали, слишком долго закусывали в вокзальном баре. Пришлось скучать до вечернего рейса. Мещерский по своему радиотелефону связался с дачей Зверевой. Беседовал с секретарем.

– Нас встретят на пристани на машине, – сообщил он. – Дача-то километрах в двадцати от городка.

По Ладоге шли с ветерком. Осеннее солнце даже припекало, однако на открытой палубе было знобко. Кравченко застегнул «молнию» на куртке до самого подбородка и, перегнувшись через борт, следил, как синие волны, взрезанные корпусом «Ракеты», обращаются в белую пену. Он не то что-то бурчал себе под нос, не то напевал. Мещерский прислушался. «Ехали медведи на велосипеде, – донеслось до него. – А за ними кот задом наперед...»

– Пивка б сейчас после вчерашнего адмиральского фуршета, – мечтательно вздохнул Кравченко. – Горло прополоскать. Эх! Зайчики – в трамвайчике, жаба на метле...

К причалу пришвартовались уже в сумерках. Мещерский ступил на потемневшие от сырости доски. Осмотрелся. Действительно, тихое место: голубенькое здание пристани, с резным крылечком и облупившейся краской вывески над закрытым окошечком билетной кассы, несколько катеров у причала, чуть дальше на шоссе – остановка рейсового автобуса. А еще дальше – сосны, огоньки вечернего городка и темная громада озера, более похожего в этом неверном освещении на безбрежный океан.

– Сергей Юрьевич! – Невысокий человек в коричневой замшевой куртке быстро шел им навстречу, приветливо махая рукой. – Добрый вечер. С прибытием. Я – Агахан, здравствуйте.

– Агахан Файруз – секретарь Зверевой, – шепнул Мещерский Кравченко. – Это с ним я договаривался. Здравствуйте, Агахан, вот и мы.

– Пойдемте, там у меня машина. – Секретарь поздоровался с ними за руку, потом подхватил сумку Кравченко и подвел их к шоссе.

Был он средних лет, очень смуглый, сухощавый. Верхнюю губу его оттеняла полоска щегольских смоляных усиков, на правой руке красовался массивный перстень с агатом. Глаза – тот же агат, восточные миндалины, взгляд внимательный и печальный. Однако по-русски он говорил без малейшего кавказского акцента, чисто и как-то по-особенному певуче произнося гласные.

– Марина Ивановна уже начала беспокоиться – куда вы подевались. Ждет с самого утра. Сейчас по озеру удобней всего добираться, – говорил он, укладывая сумки в багажник синей «Хонды», припаркованной у обочины. – Можно, естественно, по железной дороге. Но это долго и неудобно. Лучше на машине.

– Конечно, лучше. – Кравченко деловито оглядел «Хонду». – И, естественно, на такой.

Шоссе, освещенное редкими фонарями, прямой стрелой рассекало сосновый бор. Осмотр окрестностей пришлось отложить до утра. Мещерский взглянул на часы: еще только без четверти девять, а тьма тьмой. Вот тебе и север – белые ночи.

– Осень, – Файруз мягко улыбнулся, словно понял, о чем подумал гость. – Великий поэт сказал: унылая пора, очей очарованье. К счастью, в этом году здесь тепло не по сезону. Я здесь уже две недели живу: дом готовил – отопление барахлило, пришлось вызывать специалистов. Для Марины Ивановны тепло – самый важный вопрос.

– Всегда мечтал услышать ее божественный голос не со сцены, а, так сказать, вблизи, наяву. Она репетирует дома?

– Иногда. Теперь, конечно, реже. Вы, может, слышали, она и Андрей готовят новую постановку на сцене Камерного театра.

– Это вместе с мужем? Что за постановка? – поинтересовался Кравченко, удобно развалившийся на заднем сиденье. – Опера?

– Опера Рихарда Штрауса «Дафна». Пока это только проект, однако с главным условием вопрос решен – средства есть, – Файруз усмехнулся. – Проблемы финансирования Марину Ивановну более не беспокоят.

Кравченко важно покивал головой, словно название оперы и имя композитора были ему отлично известны.

– Марина Ивановна возвращается на отечественную сцену. Это подарок нам всем, – умильно вставил Мещерский. – Вы говорите, и ее муж будет петь в «Дафне»?

– Ну, собственно, ради Андрея все это и затевается. У него ведь огромный талант, но, к сожалению, здесь, в России, пока не представлялось возможности... – Секретарь вдруг умолк. – Но пока это все – как это пословица русская говорит? Шкура незастреленного медведя?

– Шкура неубитого медведя, – поправил Кравченко. – А на Востоке говорят «шерсть овцы будущего лета». А вы в Баку родились, Агахан, да?

– Нет, подальше. – Секретарь плавно свернул с шоссе на узкую полосу бетона, проложенную по берегу какого-то обширного водоема (темнота мешала его разглядеть). – Чуть подальше, Вадим Андреевич. Я родился в Тегеране.

Кравченко улыбнулся и расспрашивать далее секретаря, неожиданно оказавшегося иранцем, не стал.

А тот нажал кнопку на приборной панели, и салон наполнился музыкой: «Европа-Плюс» передавала программу «Презент». Пели старички «Смоки», затем «АББА» выдала нечто приятное из далекой юности...

– Позавчера вечером приехали Григорий Иванович и Новлянские. Так что все гости в сборе. Завтра, если хотите, на лодке можно поехать на Каменное озеро. Григорий Иванович большой любитель рыбной ловли, – рассказывал Файруз. Мещерский догадался, что он имеет в виду брата певицы и детей ее первого мужа.

Однако соображалось все труднее, снова слипались глаза – от усталости бессонной ночи, переезда. И «АББА» пела нежно, сладко, баюкала и ласкала. Как вдруг...

Файруз резко крутанул руль вправо, завизжали тормоза. На шоссе прямо перед ними вырос милиционер в форме. Они едва не задели его.

– Офицер, в чем дело?! Мы разве что-нибудь нарушили? – Файруз опустил стекло. – Что вы кидаетесь под колеса?

Милиционер, судя по погонам – старший лейтенант, наклонился, рассматривая сидящих в машине. Мещерский обратил внимание на то, *как именно* он держит свой автомат – так, как положено по уставу: готовность номер один.

– Пожалуйста, предъявите документы.

Автомат – веский аргумент. Они подчинились беспрекословно. Откуда-то из темноты к милиционеру подошли еще двое штатских. Кравченко на всякий случай придвинулся ближе к двери, незаметно расстегнул куртку – черт их знает, сейчас времена *аховые*. Ждешь милицию, а получишь ряженных «лесных братьев».

– Извините. – Лейтенант, изучив их паспорта и лицензию Кравченко, вернул документы, козырнул. – Помощь не окажете?

Кравченко полез из машины.

– А в чем дело?

– Я помощник дежурного по отделу милиции. Это вот товарищи из уголовного розыска. У нас аккумулятор сел, – милиционер ткнул куда-то вбок. И там под деревьями метрах в пяти от дороги Кравченко узрел контуры «уазика»-«канарейки». – Мы по рации с отделом связались, но пока наши доедут... А нам срочно место осматривать нужно. Вы не могли бы развернуть машину и осветить нам фарами?

– Конечно, можем, – Файруз включил мотор, – командуйте, офицер.

– А что случилось? – встревожился Мещерский, тоже вылезший из машины.

– Увидите. Нервы-то как, в порядке? А то с непривычки лучше отвернуться.

Пятно света от фар «Хонды» выхватило из мрака сначала стволы сосен, почти вплотную подступавших к дороге, затем группу людей, копошащихся на их фоне, видимо, опергруппу: несколько милиционеров в форме, полную решительную женщину в болоньевой куртке и высоких резиновых сапогах – очевидно прокурорского следователя, судя по папке с бланками в руках, и молоденького парня в клеенчатом защитном костюме – эксперта или патологоанатома. Приятели подошли ближе – в траве, сочно-зеленой и четко обозначенной до самого последнего стебелька от падающего под нужным углом электрического света, лежал человек. Судя по одежде – мужчина. Однако старый или молодой, сразу и не определишь: лицо его было страшно изуродовано, залито кровью. Черная лужа растеклась далеко по траве.

Кравченко присел на корточки.

– Мама родная, кто ж его так отделал? Да и недавно совсем. Кровь свежая.

– Убит около часа назад, – один из оперативников тоже опустился рядом. – Его охрана с дач обнаружила, нас вызвали. Вы когда ехали, никого на дороге не встретили?

– Да разве мы смотрели? – удивился Мещерский. – А потом все равно ночь уже. И к тому же мы только сегодня из Питера прибыли. И на тебе.

– Он местный? – Кравченко оглядывал одежду убитого – грязную и ветхую: допотопный бушлат в заплатках, старые армейские брюки, башмаки без шнурков, изъеденные молью шерстяные носки.

– Не местный, но я его вроде признал, – сказал один из милиционеров. – Валентина Алексеевна, – обратился он к следователю, – сдается мне, из бригады он, что дачи тут строит на озере. Ориентируюсь я по бушлату. Ко мне на участок один тут регистрироваться приходил точно в таких вот тряпках. Фамилия его Коровин, зовут Семен, ну, это того, кто приходил. Сам вроде из Петрозаводска.

– Шабашник? – хриплым прокуренным басом осведомилась следовательша.

– Ну да. Если это тот. Коровин – слесарь по профессии. Они бригадой водопровод к дому Гусейнова вели. Это ж мой участок. Погодите-ка, я его сейчас обыщу. Можно? Ничего вам тут не нарушу?

В карманах бушлата и брюк никаких документов не оказалось, но зато был извлечен рванный бумажник, а из него уже – деньги в сумме девяти рублей с мелочью. А кроме того, две бутылки водки «Абсолют».

– Это он, бедняга, из магазина топал. С автобуса сошел. А тут его и... Но выходит, не ограбление. Деньги-то целы.

Мещерский с омерзением смотрел на лужу крови у себя под ногами. «Вот тебе и сон, – вертелось у него в мозгу. – Вот тебе и баба Лена со своими «предчувствиями». Вот вляпались-то, а? Надо же – ухлопали бомжа, а нас и поднесло».

– Чем его? – спросил он у лейтенанта, остановившего их на шоссе.

– Острым и тяжелым предметом. Топором наверняка. Видишь, как изрубили. Как кочан на засолку.

– Юрий Петрович, диктуйте, сколько ран, их расположение, – следовательша притулилась на поваленной коряге и, согнувшись в три погибели, начала деловито заполнять зелененький бланк протокола.

– Всего ему нанесено около двадцати ран. Но могу и ошибиться пока. Пишите везде примерно, – патологоанатом подвинулся к труп, и Кравченко с его соседом пришлось уступить ему место. – Так, обширные повреждения лицевого отдела. Фактически и лица тут уже не осталось: девяносто пять процентов кожного покрова уничтожено. Так, пишите: проникающее ранение...

Мещерский слушал: «рубленые раны в количестве... на участках ушного, шейного отделов... перелом обеих ключиц... перелом гортани...» К горлу подкатила тошнота. Кравченко стоял поодаль, потом повернулся и пошел к машине. Агахан Файруз так и стоял там все это время, тяжело опершись на капот. Он был мертвенно-бледен.

– Вам плохо? – спросил Кравченко.

– Да... Что-то не по себе вдруг стало.

– Вы не смотрите, не надо. Вдохните глубоко.

– Не беспокойтесь. Не обращайтесь внимания. Вот уже прошло. Это все запах.

– Какой запах?

– Ну, я иногда остро реагирую на запахи, это моя особенность. – Секретарь предупредительно открыл дверь машины, но Кравченко покачал головой, мол, спасибо, не сяду. – А тут порыв ветра и такая ужасная вонь, как на бойне.

– А на бензин вы так не реагируете?

– Нет.

– А вы бывали на бойне?

Иранец молча кивнул и сел за руль. Он так и не выключил радио. Только громкость убавил: «Европа-Плюс» грустила о любви вместе с Адриано Челентано.

Аварийка из отдела милиции прибыла часа через два. И все это время им поневоле пришлось провести на месте убийства.

– Не нравится мне все это, Валентина Алексеевна. – Судмедэксперт, окончив осмотр, стянул резиновые перчатки и бросил их в пластиковый мешок. – Обратите внимание, какая

странная, я бы сказал, неэкономичность и нецелесообразность действий. Остервенелость прямо. И какое чудовищное количество ран для столь малой поверхности – лица! Зачем? Он же убил его с первого удара. А затем просто рубил череп. И метил именно в лицо.

Кравченко заметил, как при этих словах оперативники в штатском быстро переглянулись.

– Что, не первый случай такого рода? – улучив момент, спросил он их.

Они смерили его с ног до головы, потом один, плотный брюнет лет тридцати пяти с родинкой-мушкой на щеке, ответил:

– Нет, убийство пока первое. Иных подобных не зафиксировано. Но...

– Значит, почерк знакомый?

Брюнет явно колебался, отвечать или нет любопытному очевидцу. Кравченко решил склонить чашу весов в свою сторону.

– Я, конечно, не специалист и слабо разбираюсь в вашем кодексе, но сдается мне, – он помедлил, а потом интимно понизил голос, – осмотр места происшествия у вас малость незаконный вышел. Без понятий ведь, а?

– А вы что ж с товарищем, откажетесь в случае чего? – брюнет прищурился.

– Да боже упаси. Только мы ведь до сих пор не предупреждены. Ну в протоколе-то – ответственность там за ложные и тэ пэ... Закорючек-то наших нет там в графе «подпись», а значит, осмотр незаконный, без понятий.

– Да где ж мы в лесу, кроме вас, понятий найдем? Да еще ночью!

Кравченко сочувственно вздохнул: «Ай-яй-яй, но разве это ко мне вопрос, дорогие мои?»

– Ну ладно, друг. – Опер, мгновенно сориентировавшись, положил увесистую длань ему на плечо. – Выручили вы нас, спасибо. Кстати, меня Александром зовут, фамилия моя самая простая – Сидоров.

– Меня Вадимом зовут, а приятеля Сергеем. А фамилии наши в паспорте.

– Да брось ты, «паспорт-паспорт...». – Опер беспечно махнул рукой и улыбнулся – губами, глаза остались настороженными. – Вы на дачу Зверевой едете, так? В гости, что ли?

– В гости.

– Хорошие у вас знакомые. Мне б таких, да вот не приглашают. И долго пробыть там думаете?

– Неделю, может, дней десять. Пока не выгонят.

Опер Сидоров кивнул задумчиво:

– Мда-а, убийство это нехорошее. Вот что я, Вадим, тебе скажу. И есть кое-какие соображения насчет его.

Кравченко поймал его быстрый взгляд: искорка вспыхнула и угасла. Недобрая искорка.

– Ищите кого-нибудь, что ли?

– Ищем.

– Психа?

Опер снова смерил его взглядом, потом наклонился и шепнул, вроде бы доверяя, а там уж...

– Из областной спецбольницы был побег. Три дня назад. У сбежавшего диагноз – язык сломаешь. А упекли его в дурдом за покушение на убийство, тяжкие телесные одному причинил. А потом уже, в больнице, тоже история была с кровянкой. Признали невменяемым. А он, видишь ли, дал деру. А теперь вот и кумекай: он – не он? К нам, что ли, этот полудурок подался? Или это наши гаврики по пьянке своего зашибли? Я это все к тому говорю, во-первых, ты – гость, а гостей беречь надо. А во-вторых, нам помог от души. А мы это ценим в людях. Так что гляди в оба в случае чего.

– Ладно. Телефон свой дай на всякий случай.

– Записывай. И пойдем, заодно подмахнете нам с дружкой бумажку. Валентина Алексеевна, они нам в протоколе распишутся. Понятые – лучше и не найти, с полуслова все понимают!

Вот так, неожиданно для себя, Кравченко и Мещерский попали в понятые по делу об убийстве. Агахан Файруз попытался было протестовать: «Офицер, но как же это? Вы же просто помочь просили, а теперь надо подписывать какие-то документы». Но его никто не стал слушать.

Наконец их отпустили. Файруз развернулся, и они двинулись по темному шоссе.

– Начали мы круто, – подытожил Кравченко. – Агахан, и часто у вас тут такие вещи приключаются?

Секретарь пожал плечами – то ли труп еще не мог позабыть, то ли еще что, но говорить беззаботно, видимо, ему было еще не под силу. Потом он несколько собрался с духом:

– Прошу великодушно простить – это я виноват. Из-за меня вы попали в столь неприятную историю. Я не представлял, что они потребуют что-то подписывать.

– Да бросьте извиняться, Агахан. Время сейчас такое – едешь на свадьбу, попадешь на похороны. Зато, как говорится, выполнили свой гражданский долг в кои-то веки. Это почти полузабытая обязанность сейчас на Руси-матушке. Реликт.

– На Руси-матушке? – Файруз поднял темные брови. – А, понял, извините. Русь, Россия, да.

– Шабашника хряпнули топором или чем-то вроде этого, когда он возвращался к сотоварищам с добычей. Эх, бедняга, не донес. И помянуть теперь корешам его нечем, – разглагольствовал Кравченко, нимало не заботясь о том, что собеседников мог покоробить его жаргон. – А тот, кто его так вот приютюжил, – не стяжатель, прямо бессребреник какой-то. На денежки-то ноль внимания. Псих, говорят, у вас тут появился, Агахан, вот радость-то, а?

Иранец кивнул, а Мещерскому стало ясно: он не понял и половины из этого разухабистого «спича».

Дорога свернула и неожиданно уперлась в высокий бетонный забор с железными воротами, освещенными мощным прожектором. Файруз посигналил. И через минуту одна из створок плавно поехала вбок. За воротами оказалось нечто вроде сторожки-будки в одно окошечко с трубой и палисадничком. На крыльце застыли два дюжих молодца в камуфляже. Увидев «Хонду», успокоились и вернулись в будку.

– Ого, да у вас тут своя личная гвардия, Агахан, – удивился Мещерский.

– Территория охраняется. По периметру ограждения все просматривается камерами. У сторожей – машина, лес объезжать, даже собаки есть, – пояснил секретарь. – Тут и раньше был забор. Но с тех пор, как на озере начали строить новые дома...

– Мы знаем, кто в таких благословенных местах замки с медной крышей сейчас возводит. И богатые люди, Агахан?

– Да, Сергей Юрьевич. Очень. Поэтому и охрана такая. Марина Ивановна, как и другие, платит за услуги. Они каждый месяц цены повышают. Настоящие гангстеры!

За чернильно-черной стеной леса приветливо мелькнули оранжевые огоньки, и вот машина остановилась у невысокой чугунной ограды. На этот раз Файруз собственноручно открыл кованые ажурные ворота и загнал «Хонду» на подстриженную лужайку. За соснами виднелись контуры массивного дома с ярко освещенной стеклянной верандой.

– Марина Ивановна, наверное, уже отдыхает, думаю, увидите с ней завтра. Я провожу вас в вашу комнату, там все приготовлено, – секретарь повел их к дому.

И тут из кустов им навстречу с придушенным глухим рычанием метнулось какое-то белое приземистое существо.

– Мандарин, пошел прочь! Егор, да убери же его немедленно! – закричал Файруз. – Егор, ты слышишь меня?! Мандарин, фу! Назад, я кому сказал!

Существо по имени Мандарин оказалось бультерьером, нацелившимся прямо на ноги Мещерского. Тот ойкнул и трусливо ретировался к машине.

Следом за собакой из кустов появился молодой человек в синем фланелевом спортивном костюме «Рибок», облежавшем его крепкую фигуру точно лайковая перчатка. Он наклонился и схватил бультерьера за ошейник.

– Спокойно, свои. Проходите, он вас не тронет.

– Вот, Егор, пожалуйста, познакомься, – Агахан назвал имена приятелей.

– Шипов Георгий, – буркнул парень. Он держал рвавшегося бультерьера, поэтому руки не подал.

– Вы брат Андрея Шипова? – спросил Мещерский, с любопытством оглядывая незнакомца: надо же, у странного существа, поющего женским голосом, – вполне нормальный брат. Юный, правда, щеки вон еще по-мальчишески розовые, гладкие, однако плечи огого, будущего атлета, грудь в буграх накачанных мышц, стрижка – светлый бобрик, и глаза – холодноватые, слишком близко посаженные, что немного портило черты его в общем-то красивого и по-настоящему мужественного лица.

– Брат. А вы кто Марине – дальние родственники?

– Знакомые, – ответил Кравченко. – Послушайте, Георгий... это в честь Победоносца имя-то у вас?

– В честь Жукова Георгия Константиновича. Маршала Советского Союза.

– А, похвально. Собачка какая злая, а? Кобелек породистый. Сколько ему?

– Полтора года.

– Призы будете брать.

– Надеемся, – на лице Шипова-младшего появилось что-то вроде бледной улыбки.

– Егор, ты не поверишь, мы оказались свидетелями убийства! – с жаром возвестил секретарь Зверевой. – Пойдем, проводим гостей в дом. Я тебе по дороге все расскажу. Марина Ивановна у себя?

– Да. У нее голова болит. Таблетки горстями глотает.

– Поди скажи, что все в порядке, они приехали. Нет, подожди, лучше я сам. Андрей?

– В душе, кажется. Я его позову. Потом.

– А остальные?

– Кто где, – Шипов неопределенно пожал плечами.

– Ну хорошо. Надо немедленно насчет ужина что-то сообразить.

– Тетя Шура телевизор смотрит. Я сейчас ей скажу.

– Будь добр. Проходите, проходите, Вадим, Сергей, не стесняйтесь. Вещи я отнесу наверх. Куртки можете оставить в холле. Вот так.

– Мы бы хотели сегодня же переговорить с Мариной Ивановной, – сказал Мещерский. – Вы понимаете, мы приехали специально для того, чтобы...

– Я сейчас все узнаю, – быстро перебил его Файруз. – Когда у нее недомогание, она обычно не... Ну, женщины не любят выглядеть не в форме. Сейчас все решим.

Мещерский так вымотался за этот длинный день, что ему даже не хотелось разглядывать дачу мировой знаменитости – к черту, если Зверева их сегодня не примет, тем лучше. И вообще вся эта история с бабкиными «предчувствиями», дурацкими снами, их с Кравченко приездом – неизвестно зачем в совершенно незнакомое место к совершенно чужим людям – показалась ему глупейшей авантюрой. «Вадька насчет оплаты пока ни слова не спросил, и я тоже. Но если она нас каким-то образом нанимает, то ведь надо как-то... черт, неудобно! Пусть это он спрашивает».

А о трупe на обочине шоссе он вспоминал все с той же брезгливостью, к которой теперь еще примешивалось и раздражение: столько времени потеряно. И ради чего? Какое к ним это имеет отношение?

Из глубины дома донеслись звуки рояля. Кто-то наигрывал мелодию из «Шехеразады» Римского-Корсакова – подбирал по слуху и ошибался. Мещерский вздохнул: что ж, к музыке в этом доме, видимо, придется привыкать.

Комната, куда привел их Файруз, располагалась на втором этаже в конце длинного коридора, застеленного синей бельгийской дорожкой.

– Уютно, евродизайн, – Кравченко отодвинул зеленую штору и выглянул в темное окно. – Ну и что будем делать дальше?

Однако «дальше» делать ничего не пришлось. Агахан сообщил, что Марина Ивановна чрезвычайно рада их приезду, но просит ее извинить – приняла таблетку и уже в постели.

От предложенного ужина приятели скрепя сердце вежливо отказались: час ночи, пора хозяевам и покой дать. Лицо Кравченко при этом выражало неподдельное страдание, но держался он просто героически.

– Если хотите, я могу вас завтра разбудить, – предложил Агахан. – Завтракаем мы в девять.

– Не беспокойтесь, мы сами, – Кравченко улыбался. – Кто рано встает, тот...

– Долго живет, – донеслось с порога. Они обернулись и увидели молодого человека в синем махровом купальном халате: невысокого, хрупкого, чем-то смахивающего на Киану Ривза из «Маленького Будды» и одновременно на Георгия Шипова. – Здравствуйте, с приездом. Вы – Сергей, – он крепко пожал руку Мещерскому. – Видите, я угадал. А вы Вадим. Очень приятно. Андрей. – И он подал Кравченко влажную после купания ладонь.

И голос его, хотя и несколько высокий, но вполне мужской, – и это дружеское рукопожатие произвели на приятелей весьма благоприятное впечатление. Мещерский, например, вообще готовился узреть в лице Андрея Шипова нечто уж совсем женоподобное – трансвестита какого-нибудь. Но все оказалось вполне в рамках приличия.

– Ты, Агахан, лучше потрудишься меня разбудить пораньше, а ребятам дай поспать с дороги, – усмехнулся Шипов. – Сергей, Марина Ивановна просила меня узнать, как здоровье Елены Александровны?

– Передайте – все в порядке, для ее возраста, конечно.

Певец кивнул и, пожелав напоследок гостям спокойной ночи, вместе с Файрузом покинул комнату. Последнее, что Мещерский видел перед тем, как погрузиться в сон, был Кравченко, с независимым видом направлявшийся в ванную смыть с себя пыль этого чересчур уж затянувшегося дня. Дня, с которого, как они впоследствии убедились, и начались все загадочные и трагические события.

Глава 3

Госпожа и ее свита

Проснулся Мещерский от того, что у него затекла спина: мягкий матрас, да и жарко в комнате. Сквозь незашторенное окно солнце било прямо в глаза. Он приподнялся: так и есть, на часах половина восьмого, а Кравченко уже и след простыл. Вон на кресле его скомканный спортивный свитер – значит, его владелец после традиционной утренней пробежки положится в душе.

Мещерский потянулся, захотелось снова зарыться в эти теплые подушки, накрыться одеялом. Мысль мелькнула приятная: «Господи, благодать-то какая. Мы на даче. Настоящей. Тихо тут!»

И вдруг где-то внизу в недрах дома что-то с грохотом упало, и тут же басисто залаяла собака. Через секунду кое-как одевшийся Мещерский, пулей выскочивший из кровати, уже бежал вниз по лестнице. Бежал, но ступенек не видел, а видел то, что предстало перед ним ночью на обочине шоссе. И словно током ожгло: этого только не хватало!

Собака остервенело лаяла. Мещерский вихрем пронесся через просторные, светлые, пустые комнаты. Распахнул дверь гостиной, той самой, с краснокирпичным голландским камином, где они вчера беседовали с секретарем, и первое, что там увидел, – телевизор: огромный, из тех, которые называют «кинотеатр на дому». Телевизор работал, но без звука. На бирюзовом экране девица в рыжем парике, точно рыбка в аквариуме, разевала свой жемчужно-зубастый рот – болтала, болтала. Затем ее лик сменился рекламируемой женской прокладкой. Демонстрировалось, как она *безупречно* впитывает жидкость подозрительно прозрачного цвета.

На ковре перед телевизором валялись осколки хрустальной вазы. А перед ними, точно крепостная башня в чистом поле, возвышалась женщина – жгучая брюнетка лет этак сорока с внушительным довеском, необъятная, закутанная в шелковый халат фантастического размера. Ее смуглое, еще не тронутое косметикой лицо кривилось точно от зубной боли. Она потрясала зажатым в пухлой руке пультом, яростно нажала кнопку и...

– «Олвэйз плюс» всегда выручит вас в ваши критические дни, – жизнерадостно заверили с экрана.

Брюнетка в халате погрозила телевизору кулаком, а потом с размаху швырнула пульт в угол. К счастью, Мещерский с детства славился отличной реакцией (всегда на воротах стоял). Если бы не его бросок, «кинотеатр на дому» пришлось бы включать вручную. А так пульт удалось поймать.

– Эти потаскухи сведут меня с ума! – Женщина схватилась за левую грудь, напоминавшую арбуз среднего размера. – Это просто Освенцим чистейшей воды!

Тут из-за двери, ведущей из гостиной на террасу, донеслось поскуливание. А затем в щель просунулись сразу две головы: человеческая и собачья. Собачья принадлежала тому самому мрачному бультерьеру по кличке Мандарин. Человеческая – мужчине лет тридцати, белокожему, с массивным носом и с задумчиво-меланхоличным взглядом больших серых глаз. Он был крашеный блондин, что сначала чрезвычайно не понравилось Мещерскому, не одобрявшему косметических «штучек» сильного пола. Сейчас, однако, никакой меланхолии во взгляде незнакомца не наблюдалось. Напротив, он приветливо подмигнул Мещерскому и, нагнувшись, безбоязненно ухватил за загривок рвавшегося в гостиную бультерьера.

– Майя Тихоновна, плюньте! Разве это стоит, чтобы так переживать? – сказал он. – Пожалейте свои бедные нервы.

Брюнетка, не обратив на него внимания, круто обернулась к Мещерскому:

– Что вы на меня так уставились, юноша? У меня что, стригущий лишай?

– Н-нет, – Мещерский даже попятился.

– Ну тогда улыбнитесь и пожелайте мне доброго утра. Это вас с приятелем Файруз на пристани встречал? Ночью?

– Д-да, только не совсем ночью, это мы потом, на шоссе... – Мещерский тихо мямлил, недоумевая: что за фурия? Что не Зверева – ясно. Тогда кто? И кто этот парень, что загородил своей тяжеловесной квадратной фигурой дверь?

– Вы эпатированы, юноша. Это видно по выражению растерянной вежливости на вашем отдохнувшем, но еще не бритом с утра лице, – отчеканила толстуха. – Наверное, думаете, что за мегера горлопанит ни свет ни заря?

– Н-нет, что вы, я не думаю ничего такого. Вот пульт от телевизора. Куда его положить? При слове «телевизор» брюнетку снова перекосило.

– Вы имеете привычку смотреть семичасовые «Новости»? – осведомилась она.

– Нет.

– И правильно. Как у всякого нормального человека, у вас гипертрофированно развит инстинкт самосохранения. Димка, если ты хоть единый раз еще хрюкнешь, я тебя снова выкину вон!

Это адресовалось уже блондину, который беззвучно трясся от смеха.

– Майя Тихоновна, молчу, молчу.

– И молчи! А я... кстати, юноша, как ваше имя?

– Мещерский. Сергей Мещерский.

– А я, голубчик Сереженька, молчать не буду! Меня распирает от бешенства. – Майя Тихоновна лягнула ногой точно разъяренный буйвол. – Я включаю телевизор, имея скромную потребность узнать текущие новости. Чтобы не пропустить их, я чутко сплю и встаю точно без семи минут семь. Иду вниз, включаю этого подлеца – и па-ажалуйста! Сколько раз в день можно слушать про затычки, прокладки с крылышками, про то, как какой-то там бесстыднице сухо и комфортно в ее распроклятые критические дни, а?! Сколько можно терпеть это издевательство нормальным людям? Сколько?!

Мещерский хлопал глазами: «Ну и темперамент!»

– Они же, дикари, не знают ни в чем меры. Раньше все было табу. Абсолютно все! Я сама лично во время перестройки сколько писем написала Горбачеву от имени нашего женского комитета: дескать, уважаемый, войдите в наше положение, закупите вату за границей! Вагон писем – мне даже ответить никто не соизволил! Вот так мы боролись с этим варварством. И что теперь? Чего мы, дуры, добились? Чтобы нас вот так каждую минуту, каждую секунду долбили, долбили!

– Можно просто выключить телевизор, – робко предложил Мещерский.

– А я не хочу выключать, юноша! С какой это стати? Я плачу налоги на содержание всей этой богадельни и за свои деньги желаю быть в курсе того, что творится в мире. Но разве кто-то об этом думает? Они просто доводят человека до белого каления, заставляя его терять облик, заставляя грезить об убийстве!

– И кого же, Майя Тихоновна, вы жаждете убить? – смеясь, спросил блондин.

– Вот эту наглую тварь, – толстуха ткнула в экран, перевела дух и потом совсем уже другим, очень любезным и удивительно спокойным тоном подытожила: – Ну, спектакль окончен. Публика может расходиться. На завтрак Шура варит овсянку и пельмени. Сереженька, вы что предпочитаете?

– Да мне, собственно, все равно, – забормотал тот смущенно. – Что дадите.

– Надо четко отдавать себе отчет в том, что вам нравится, а что не нравится. И никогда не надо так стесняться, – она потрепала его по руке. – На отдыхе надо усиленно питаться.

Шура наша – отличная кулинарка. Вам понравится. Вам вообще у нас тут понравится. Должно, – и поплыла в дверь, шурша атласным сияющим шелком.

– Дмитрий, – квадратный блондин протянул Мещерскому руку. – Будем знакомы. Ну, видели нашу Майю?

– Ох да. Простите, а кто она?

– Подруга Марины. Вроде домоправительницы, как у Карлсона. Вообще она ее аккомпаниатор. Но сейчас уже не выступает. А так, за домом следит, за здоровьем Марины. А в основном они языками треплют, за жизнь, так сказать.

– Она вместе с Мариной Ивановной живет?

– Как видите.

– Давно?

– Лет пять, наверное. У нее муж умер, и Марина ее взяла к себе.

– Шумная женщина. Очень. Я даже стухнул немного. – Мещерский улыбнулся. Во взгляде его ясно читалось: «А ты сам-то кто такой здесь, крашеный? Кем доводишься мировому светилу? Родственник?»

Видимо, собеседник безмолвный вопрос понял, однако объясняться не стал.

– Вазу разбила. Сама потом себя казнить будет. – Он опустил на корточки и начал собирать осколки. Отпущенный на волю бультерьер подошел к Мещерскому и недоверчиво обнюхал его ноги. Потом с презрением отвернулся и запрыгнул на диван. Мещерский потоптался, а затем вернулся наверх: следовало привести себя в порядок.

Вымытый, выбритый, надушенный Кравченко деловито рылся в сумках. Достал свитер, новые джинсы, примерил.

– Все наряжаемся? – поддел его Мещерский. – Жаждешь впечатление произвести?

– А ты «Телохранитель» смотрел? – Кравченко с шумом задвинул зеркало-дверь шкафа-купе. – Звезды имеют привычку класть глаз на своих вышибал.

– Эх, Вадя, сдается мне, что вышибалы тут как раз люди лишние.

– Это почему?

Мещерский пожал плечами. Объяснять было бы долго и неинтересно: чувства его вдруг кардинально изменились. Еще вчера на той темной дороге, у убитого кем-то зверским способом пьянчужки, будущее вырисовывалось хоть и в неопределенных, но мрачно-романтических красках: наследство, незащищенная женщина, талант, музыка Верди, алчные родственники. А тут – утреннее солнце ли виновато, этот бультерьер-альбинос с нелепым именем Мандарин, или эта толстая скандалистка, конфликтующая с ящиком, – но вся романтика как-то враз улетучилась. Стало просто смешно и досадно: кинулись вы, Сергей Юрьевич, на защиту слабых, смущенный, а точнее, *сбитый с панталыку* бабьими грезами и столь *сиятельным* именем «Марина Зверева». Дон Кихотом пожелали предстать перед великой женщиной, а тут бац! – с самого утра вам по ушам бабьими затычками хлопнули. И поделом. Подонкихотствуйте теперь с такими *житейскими* подробностями.

– Кормят тут, интересно, как? По часам или нет? – прервал его грустные думы Кравченко. – Жрать хочу, как мамонт. И ненавижу, когда по часам пичкают. Мое Чучело трапезует когда хочет, а хочет всегда. Ну и я привык. А тут церемониться придется. Кстати, Серж, пока ты дрых, я, между прочим, все окрестности здесь облазил. Дом классный и участок ухоженный, они, видно, садовника сюда приглашали и архитектора не раз. А вообще дач тут мало – три дома всего обитаемы. В других хозяева отсутствуют. Но на том берегу озера стройка так и кипит. Сеньоры замки возводят. Такие избушки, какой тебе Бад-Халль. Территория большая: тут тебе и лесок сосновый, и озеро, два теннисных корта, котельная с водоподкачкой. Кстати, почти на всех дачах – спутниковые антенны. И весь этот рай заборощен обнесен. И действительно камеры по периметру. Так что не побалуешь тут.

– Ты психа, что ли, спозаранку выслеживал? – Мещерский начал одеваться. – Зря старался. Примет, увы, не сообщено.

– На черта мне этот псих. Это пусть моя милиция, которая меня бережет, пашет. Это я для самообразования обстановку изучал.

– Ничего нам тут изучать не надо. Я же сказал, Вадя, с телохранительством нашим... в общем...

– Да почему?

– Предчувствие, – Мещерский посмотрел на часы. – Ну идем. Думаю, опаздывать здесь не принято.

Завтракали обильно и чинно за похожим на футбольное поле столом в столовой. Зверева завтракать не вышла. Майя Тихоновна сообщила, что та плохо спала ночь и задремала только под утро, приняв снотворное. Зато приятели познакомились со всеми домочадцами.

Кроме известных уже лиц – братьев Шиповых, экспансивной аккомпаниаторши, грузного молодца по имени Дмитрий (фамилия его оказалась Корсаков – «Увы, не Римский», – уточнил он шутливо) и секретаря, за столом сидели Алиса и Петр Новлянские – дети первого мужа певицы. Весьма великовозрастные дети – оба сублильные, белобрысые, похожие на белых мышей (как позже резюмировал Кравченко). Алисе можно было со спокойной совестью дать лет тридцать. «Пожилая девушка», – снова съязвил Кравченко (до такой степени разочаровал его этот тип: отложной воротничок вокруг тощей шейки, безбровое треугольное личико с очень нежной малокровной кожей, пухлыми складочками в уголках губ и тонкими пепельными волосами, собранными в куцый хвостик на затылке). Брат ее выглядел года на два моложе и несколько крепче: этакий прилизанный столичный «яппи». Только вот деловой костюм сменил на отдыхе на дорогой фланелевый блузон и брюки известной спортивной фирмы. Брат и сестра держали себя вежливо и подчеркнуто любезно с приезжими.

А вот их сосед даже не давал себе труда казаться гостеприимным. Это был младший брат хозяйки дома Григорий Зверев – холеный сорокалетний красавец, облаченный, несмотря на солнечный, почти летний день, в черную рубашку и черные узкие джинсы. Мещерского он сразу же остро заинтересовал, потому что, как и его знаменитая сестра, тоже обладал великолепным голосом. Однако применение этого божьего дара было у Григория Зверева совершенно иным. Мещерский, да и все остальные частенько слышали его неповторимый хрипловато-бархатный баритон по телевизору: Зверев дублировал художественные фильмы. И как – заслушаешься!

Мещерский никак не ожидал, что этот актер-невидимка окажется таким потрясающим мужиком. «Ему б в Голливуде впору сниматься, а не в микрофон дудеть, – украдкой шепнул приятелю и Кравченко, несколько стушевавшийся перед этим воплощением мужественности и шарма. – Имел бы Шарон Стоун в натуре, а то все только за Майклом Дугласом повторяет». На новоприбывших Зверев никак не отреагировал. Ему, видимо, было наплевать, кто приезжает в гости к его сестре и зачем.

Сообщение Файруза о вчерашнем убийстве на дороге произвело настоящую сенсацию. Все зашумели, загалдели наперебой, вопросы так и посыпались градом: как, что, чем убили? А замечание Кравченко о сбежавшем психически больном заставило Алису болезненно пискнуть, Майю Тихоновну задать басом сакраментальный вопрос: «Но они все-таки ищут идиота или только притворяются?», а Александру Порфирьевну – сухощавую опрятную пожилую даму в полосатой пижаме и цветастом фартуке, постоянно курившую сигарету за сигаретой, – заметить, «что *раньше* ничего подобного и быть не могло, потому что в государстве был порядок».

– Действительно, много сумасшедших развелось. Слишком, – заметил Петр Новлянский, подливая себе кофе. – Сумасшедших и самоубийц. Это как эпидемия сейчас.

– Жизнь, значит, дрянь. – Андрей Шипов, молчавший почти весь завтрак, выдал это так, словно Америку открыл, и за столом тут же умолкли. – Интересно, а что предпочтительнее? – продолжил он внятно и громко. – Свихнуться или наложить на себя руки?

– А это смотря для кого, Андрюша, – задумчиво откликнулся Зверев. – По мне, так лучше не мозолить глаза.

– Кому?

– Тем, кто тебя любит и кому это может быть неприятно.

– А кому *это* неприятно?

В столовой снова повисла неловкая пауза.

– Пойду омлет принесу. – Александра Порфирьевна затушила сигарету в чайном блюде и начала собирать грязные тарелки. – Ну, кому омлета?

Оказалось, что всем. Вообще поесть в этом доме любили. Разговор снова возобновился – о погоде, о последнем интервью Бориса Покровского, о постановке новой редакции «Хованщины» в Большом, о каком-то ожидаемом звонке из Москвы, о каких-то декорациях.

– Вадим, а вы чем занимаетесь? – спросила Кравченко сидевшая напротив него Алиса Новлянская.

– Всем понемножку. В основном охраной тех, кому это необходимо. А раньше военным был.

– Как интересно. Марина всегда что-нибудь необычное откопает. Прошлый раз она фокусника к себе пригласила.

– Фокусника?

– Ну да. Такой симпатяга. В цирке-шапито выступал. Она любит все такое. Фокусы особенно.

– Ну мы-то с Сергеем люди совсем простые. Без фокусов, – Кравченко расплылся в улыбке. – Это у вас тут, смотрю...

– Что у нас тут?

– Ну, Марина Ивановна такая женщина знаменитая, звезда. И брат ее по телевизору каждый день. И вот муж тоже певец, оказывается.

– Вы слышали Андрея?

– Нет. Сергей слышал. Голос, говорит, у него редкий, странный. Я, если честно признаться, думал, что и говорит он как-то по-особенному. А оказалось, обычный голос для молодого парня, ну в разговоре-то.

– Вам его голос не понравится.

– Почему? – опешил Кравченко.

– А вы разве не знали, что подобными голосами *пели кастраты*?

Это было заявлено нарочито громко. Вызывающе громко. Мещерский едва не подавился. Краем глаза увидел, что братья Шиповы изменились в лице – каждый по-своему: младший, Георгий, побагровел, низко склонился над тарелкой. А старший, в адрес которого и был брошен вызов, отставил стул, встал:

– Спасибо, все было очень вкусно.

– Андрюшенька, а омлет? – всполошилась домработница. Она тоже покраснела и метнула в сторону Новлянских негодующе-укоризненный взгляд.

– Спасибо, тетя Шура. Потом. Пойду с Мандарином погуляю. Вы его строгий ошейник не видели?

– Почему, Лисенок, ты часто выдаешь такие вещи, что окружающим делается неловко и стыдно? – спросил Григорий Зверев, когда за Шиповым закрылась дверь на веранду. – Что за мания такая?

– Стыдно? Ты, значит, меня стыдишься? – Алиса опустила глаза и как-то сгорбилась, словно завяла вся. Тон ее и мгновенно изменившееся настроение заставили Мещерского приглядеться повнимательней к этой парочке. – Стыдишься?

– Я тебя не стыжусь. Ты это знаешь. Но дерзости твои терпеть не хочу. У меня от них аппетит пропадает.

– Лиска, води себя прилично. – Майя Тихоновна прихлопнула скатерть пухлой ладонью, словно муху ловила. – Думаешь, Марине приятны твои грубости? Егор, будь ласков, передай мне гренки.

Багровый Георгий Шипов встал, переломился пополам точно складной метр, дотянулся до блюда с гренками и передал ей. По его виду было ясно: он еле сдерживается.

– Егор, детка, почему ты не пьешь кофе? Остыл ведь. – Майя Тихоновна протянула руку к мельхиоровому кофейнику.

– Я не хочу.

– Глупости. Хочешь, я сейчас сделаю тебе импровизированный кофе-капучино? Шурочка, у нас остались сливки в холодильнике?

– Сейчас принесу. – Домработница двинулась из столовой.

– Я не хочу кофе-капучино, Майя Тихоновна, – повысил голос Шипов-младший.

– Тогда какой же кофе ты хочешь? – вопрос прозвучал так, что ответить на него можно было только двумя способами: либо сдернуть скатерть со стола, либо вежливо поблагодарить за заботу.

Парень, видимо, нашел в себе силы: он сглотнул и процедил:

– Черный, если можно, с лимоном.

– Шурочка, не надо сливок. Егорка будет черный с лимоном! – зычно оповестила всех Майя Тихоновна.

Мещерский отметил, с каким властным мастерством эта женщина погасила назревающую ссору.

– Марина Ивановна просила, чтобы вы прошли к ней, – сказал после завтрака Файруз. – Они с Андреем собираются на озеро, составьте им компанию, если хотите.

– Конечно! С удовольствием. Нам прямо сейчас идти? – осведомился Кравченко.

– Да, если вы уже закончили завтракать.

Зверева встретила их в уютном зальчике, расположенном в правом крыле дома. Это была самая просторная и светлая комната дачи, не считая застекленной веранды. Попасть в нее можно было как с обширной террасы-лоджии, так и из гостиной. Вообще зал этот считался центром всего дома. Сюда приходили по вечерам посидеть на кожаных диванах и креслах, погреться у высокого, выложенного красным кирпичом камина, послушать музыку. У огромного панорамного окна, откуда открывался вид на озеро, стоял старый рояль. На нем – ноты, альбомы, магнитофонные кассеты, диски. В дубовых стеллажах вдоль стен – мощная стереосистема, телевизор-видеодвойка. Все стены зала украшали фотографии в рамках.

Мещерский даже зажмурился на миг – ее лицо, везде ее лицо. Снимки, снимки – и везде Марина Зверева. Она в сценических костюмах – фрагменты из опер, она на вручении премий, она на приемах во дворцах, посольствах, на банкетах, на выставках, в гостях. А рядом с ней – боже ты мой, какие лица! Кажется, вся история, все герои нашего времени считали за честь запечатлеться с нею рядом. Она и старый, но все еще великолепный Марио дель Монако на сцене «Ла Скала», она на аудиенции у Елизаветы II в Букингемском дворце: принц Чарлз, галантно целующий ей руку, смеющаяся принцесса Диана. А выше на новом снимке – сияющий благодушием Леонид Ильич, вручающий ей орден, Рейган в шикарном стетсоне, с победоносным видом демонстрирующий ей свое ранчо, Шаляпин-младший за мольбертом, Пласидо Доминго, встречающий ее на пороге своей виллы.

Мещерский услышал восхищенный вздох. Кравченко не отрываясь смотрел на фотографию, где молодая Зверева и такой же молодой, подтянутый, без единого седого волоска Фидель Кастро любовались прибором на пляже Варадеро.

– Ты посмотри, Барбудос-то в нее по уши, по глазам видно. Какая женщина, Серега! – Кравченко протянул руку и коснулся снимка.

– Кастро был очень хорош двадцать лет назад, – низкий мягкий голос, точно виолончель.

Они обернулись. Зверева вошла с террасы. Солнце светило ей в спину, и лицо ее оставалось в тени. Ярким пятном выделялся только розовый длинный свитер. Да этот голос, словно сотканный из расплавленного солнца пополам с медом.

– А сейчас он напоминает мне старого льва. У меня сердце сжимается, когда я вижу его по телевизору. Этот человек знает, что все для него уже кончено, но не сдается.

Они слушали голос – смысл слов, выпретенный и необычный, стирался из памяти. А голос – его неповторимый тембр, его глубина, нежность – звучал. И хотелось слышать его еще и еще. Мещерский часто вспоминал потом: как странно, что Зверева впервые заговорила с ними именно о Кастро, то есть о человеке, у которого все в прошлом. Не было ли в этом какого странного знака, предопределения судьбы? Вообще весь тот их *самый первый* разговор – вроде бы ни о чем – был сложной криптограммой. В нем можно было найти ключ ко многому из того, что случилось в этом доме позже. Ключ... Но кто мог это предположить в тот солнечный день бабьего лета, когда они, словно школьники, замерли перед этой женщиной – нет, не в восхищении даже, а в каком-то странном смятении духа. Потому что словно само время, все знаменитые события, люди, даты, по которым будут вспоминать наш уходящий век, приветствовали их в лице этого загадочного, точно сфинкс, существа: Великой, Несравненной, Божественной Марины.

Когда она повернулась так, что лучи солнца упали ей на лицо, стало ясно, что между фотографиями на стене и ею лежат годы. Черты ее выразительного, изящной лепки лица несколько расплылись. Время не пощадило щек и уголков глаз, прочертило складки у губ, утяжелило подбородок. Время оставило свой отпечаток и на фигуре: теперь уже не только крупной, а весьма крупной, если не сказать больше. Но глаза ее остались прежними – огромными, серо-голубыми, взглянешь – и голова закружится. И от всего ее лица веяло теперь таким царственным покоем, довольством и безмятежностью, что невольно хотелось остаться подле этой женщины навсегда: тут надежно, безопасно. Тут – тихая гавань.

Зверева протянула им руку, и они, так же как и все эти на фотографиях – актеры, принцы, министры, депутаты, заокеанские миллионеры, партийные деятели, – сочли этот жест за величайшую милость.

– Как славно, что вы, Сереженька, навестили нас, – молвила она, подводя их к дивану. – Очень рада познакомиться с вашим другом. Боюсь, я застала вас врасплох своим приглашением, нарушила ваши планы на отпуск.

– Да что вы! – Мещерский взмахнул рукой, словно отсекая нечто кошунственное. – Мы так благодарны вам за приглашение.

– Это глупое письмо... Не знаю, почему я его написала. Елена Александровна – мой духовный вожатый, к ней я всегда обращаюсь со всеми своими болячками. Что-то на меня накатило, и я его написала. А собственно...

– Мы поняли, что вас что-то тревожит, сон лишь проявление...

– Не напоминайте мне о нем. Выставить себя такой слабонервной дурочкой, – Зверева откинулась на спинку дивана. – Я забыла об этом сне через пять минут после того, как отправила письмо. Обычный кошмар, и надо же – я хватаю конверт и доставляю хлопоты таким приятным молодым людям.

– Да какие хлопоты! У вас тут так красиво. Мы никогда бы не выбрались в такое при-
волье. И вы, вы сами, ваш дом... Но, Марина Ивановна, нам бы хотелось узнать причину,
если она... если мы хоть чем-то можем помочь вам, то...

– Причины нет, – быстро перебила его певица. – Я же сказала, Сереженька, это просто
непростительный промах с моей стороны. Прихоть дурного тона. Меня ничто не тревожит,
ничто не беспокоит. Напротив, я давно не была так счастлива, как сейчас.

– Значит, вас не от кого охранять? Вам ничто не доставляет неприятностей? – спросил
молчавший досель Кравченко.

– Нет, – Зверева взглянула на него с улыбкой.

– Какая жалость.

– Почему?

– Я бы многое отдал, чтобы вас от чего-нибудь да защитить. – Кравченко оглянулся по
сторонам. – Увы, тут даже осы не летают. Осень.

Зверева засмеялась.

– Вот и права поговорка: дурной сон до обеда – к хорошей компании. Честное слово,
я теперь даже рада, что все так вышло. Решено, вы – наши гости, пока вам тут не наскучит.
Я с ребятами своими – видите, какая у меня большая дружная семья – думаю пожить тут
недельки три. Ну, Петя, может быть, уедет раньше, у него дела в фирме. А мы... Агахан
сказал, что вы вчера видели какого-то несчастного на шоссе? Его убили? – Вопрос был задан
со спокойным любопытством.

– Да, милиция говорит, что знает, кто убийца. Шабашники, что дачи строят на том
берегу, повздорили. У одного с головой не все в порядке, – соврал Кравченко.

– Жестокость, варварство. Каждый день по телевизору – убийства, какие-то... раз-
борки. Между кем? В Чечне заложников берут, торгуют людьми точно скотом. – Зверева
передернула полными плечами. – Неудивительно, что снятся кошмары. А музыка, которую
транслируют? Все эти бездарные концерты, оглушающий шум вместо мелодии? Пошлость.
Кстати, вы в Москве не видели таких плакатов – я на Садовом из машины видела, – водку
рекламируют. На них бутылка, а рядом скрипка и что-то там о чистоте... А еще мне Гриша
рассказывал, есть водка «Петр Ильич Чайковский». Ее пьют и закусывают луком с селед-
кой, – она провела рукой по глазам. – Здесь ужасно все изменилось за эти годы.

Мещерский отметил, как легко она перескакивает в разговоре с предмета на предмет:
и снова слова были не важны, только голос. В этот момент стеклянная дверь отворилась и
с террасы вошел Андрей Шипов.

– Я вас жду-жду, а вы вот где, оказывается. Пойдемте на озеро, погода – чудо. Димка
с Егором пошли на корт. Звали болеть за них.

Кравченко украдкой разглядывал эту пару. Муж и жена. Скорее стареющая львица и ее
подрастающий львенок. Кстати, тянет он на мужа-то? Вон белобрысая барышня за столом
что-то там о кастратах загнула. Чушь, конечно, но... Он скользнул по фигуре Шипова –
цыпленочек: хрупкие косточки, тонкие ручки, плечики как гардеробная вешалка – в пажу
такому. А этот... Чем он ее привлек, интересно? Голосом? Или тем, что ему на двадцать
пять меньше, чем ей? Ну, она, конечно, на свои пятьдесят не тянет – кожу вон подтянула,
накрасилась, ухоженная, холеная. Для чего так себя холить? Для него?

Он вспомнил, как однажды в метро они с Катей видели одну женщину – увядшую
сорокалетнюю домохозяйку. Она читала в газете про свадьбу Пугачевой и Киркорова. Потом
уронила руки с газетой на колени и не мигая смотрела в черноту за вагонным стеклом. Гре-
зила... Он попытался пошутить тогда, а Катя его одернула. Он так до сих пор и не понял
почему.

«Вот отчего тебя, парень, к этой богатой даме тянет, мне объяснять не надо. – Кра-
вченко изучал кроссовки Шипова, запачканные землей. – Как же – ступенька к славе, успеху.

Звезда со связями. Слово скажет, и будешь петь где пожелаешь: на лучших сценах мира. За это можно себя продать... – Тут он поднял голову и перехватил взгляд, которым Шипов смотрел на жену. И покраснел: – Черт возьми. Мальчишка...»

Они спустились по ступенькам террасы, пересекли подстриженный газон, где трава все еще была по-летнему свежей и зеленой, и направились к воротам. Перед ними блестело озеро – точно гигантское зеркало, уложенное среди сосен. Шипов шел впереди, и на фоне слепившего глаза солнца его фигура казалась особенно четкой и хрупкой – словно тень. Кравченко надел темные очки. По его виду Мещерский понял: приятель его смущен. Зверева произвела на него сильнейшее впечатление, но даже себе он не хочет в этом признаться. «Вот что значит быть знаменитостью, – подумал он. – Вот оно, значит, как».

– Не желаете полюбоваться на местный Кубок Кремля? – пошутил Шипов. – Дима Егорку там каждое утро до семи потов гоняет.

– Пойдемте. А ваш брат хорошо в теннис играет?

– Воображает, что играет.

– Ну, судя по нему, он со спортом в ладах.

– Я был бы рад, если бы он больше был в ладах с учебниками, чем с ракеткой и футбольным мячом.

– Оставь ребенка в покое, – в голосе Зверевой зазвучали заботливые нотки. – Егорка еще растет. В его возрасте мальчикам надо двигаться, расходовать переизбыток силы.

«Хорош ребенок, – подумал Кравченко. – Бугай лет двадцати. А почему не в армии, интересно? Сверстники вон на Кавказе «силы расходуют», а этот... Кстати, как называется жена брата? Свояченица или кума? Нет, вроде свояченица».

Бесцельность этой прогулки выбила Кравченко из колеи. Его так и подмывало спросить эту даму напрямик: «За каким чертом ты нас сюда позвала? Что нам делать? Нанимаешь ты нас в качестве охранников, и если да, то позволь мне вести себя так, как я считаю нужным, а если нет, то...» Но он знал, что после словечка «то» уже не будет никакого продолжения. Ничего в таком духе он у нее не спросит. А будет поддерживать вежливую беседу ни о чем, всецело полагаясь теперь на прихоть этой совершенно особенной женщины, которая может себе позволить заставить кого-то проделать такой длинный путь только под влиянием своего минутного каприза.

«Если домочадцы собрались послушать ее распоряжения по завещанию забугорного имущества, – размышлял он, следя вместе с Шиповым, как на корте играли в теннис, – то в таком случае наш первый завтрак весьма показателен. Мужа-малыша тут не больно любят. Как эти приемыши на него окрысились. Особенно девица Алиса. Брат Зверевой из этого же лагеря, хотя вести себя по-хамски не позволяет. Возможно, он просто умнее, оттого что старше».

Он покосился на Шипова и спросил:

– Вы за границей, наверное, долго жили?

– В Италии четыре года. Я там учился. У меня была льготная стипендия от Гнесинского и Итальянского музыкального общества. – Андрей отвечал охотно.

Кравченко почувствовал, что ему приятно разговаривать с этим парнем, однако не мог все же отделаться от крамольной мысли: «Интересно, какой ты в постели с этой царицей Савской?»

– Мы с Мариной там и познакомились. В театре «Феникс» в Венеции.

– Я в Венеции не был. В Италии только в Больцано на горных лыжах катался, а потом неделю в Риме жил. Красивая страна.

– Очень. Егору тоже понравилась.

– И брат тоже с вами в Италии жил?

– Да, не оставлять же его без присмотра? Но это только последние два года: мы с ним одни на белом свете, отец умер, – Шипов грустно потупился. – Родителей рано потеряли, вот и держимся друг друга. Марина предложила ему на выбор поступить в университет в Болонье либо в Риме. Но он с этим выбором что-то пока не торопится. Сентябрь пройдет, а там начну с ним мужской разговор насчет этого.

– И на какой же факультет?

Шипов как-то неопределенно махнул рукой. «Ясно. Жена не только тебя, друг мой ситный, содержит, но и твоего молодца в люди вывести намеревается. Добрая женщина, надо же. Где бы себе такую сыскать? Щедрую».

– А к музыке, к опере у Егора, значит, нет таланта?

– Слава богу, ни таланта, ни стремлений.

– Вы так горячо сказали «слава богу», – Кравченко усмехнулся. – Видимо, я совершенно не разбираюсь в вашей профессии. Или опера это не профессия? Забыл, что тут главное голос.

Шипов опустил глаза.

А Мещерский, значительно отставший, тем временем шел рядом со Зверевой по бетонной тропинке, проложенной по берегу озера, и слушал, слушал, упиваясь, изредка вставлял какие-то замечания, но в общем-то целиком был очарован ее монологом.

– Классическая музыка не прихоть каких-то сверхчувственных натур, – вещала Зверева. – Вы, Сереженька, не обижайтесь, но ваше поколение глухо к одному из самых загадочных видов искусства. Почему молодежь в массе своей не любит, не понимает великую музыку? Это всегда меня интересовало. Вот говорят, классику начинают понимать с возрастом. Отчего это?

– Ну, может, оттого, что становятся умнее, – Мещерский хотел пошутить, да что-то не вышла шутка.

– Ум – категория постоянная. Либо он есть у человека, либо его нет.

– Да, Марина Ивановна, конечно.

– Может быть, молодые не любят музыку оттого, что у них нет воспоминаний?

– Воспоминаний? Ну почему же, есть.

– Ну, мне всегда казалось, что любая музыка всегда свободна. Понимаете, Сереженька?

– Н-не совсем. От чего свободна?

– От всего. От условностей, предрассудков, запретов, страхов. Она имеет возможность передавать эту свободу.

– Вы сказали, от страхов?

– Да-да, – Зверева остановилась. Чувствовалось, что, обретя в лице нового гостя благодарного и покорного слушателя, она намеревается говорить с ним только на тему, которая в данную минуту интересна исключительно ей. – Музыка подчас рассказывает нам самим о нас же такие вещи, о которых мы стараемся умалчивать не только в беседах с другими, но и с самими собой.

– А вы знаете, я никогда *небеседую сам с собой о себе*, времени как-то не хватает.

– Да? Вы очень занятой человек, Сереженька. В этом, наверное, вся беда вашего поколения. Вы слишком заняты, чтобы слушать себя в себе.

Мещерскому хотелось возразить: «А разве вы – вы! – не слишком заняты?» Но он так же, как и Кравченко, знал: никогда он не сможет спросить ее вот так прямо. Однако дураком бессловесным выглядеть не хотелось, и он решился:

– Марина Ивановна, неужели и вам музыка может рассказать то, что вы сами от себя скрываете? Не знаете, не подозреваете в себе?

– Всегда.

– А нам, вашим слушателям, зрителям, поклонникам вашего таланта, она тоже что-то может о вас рассказать неизвестное?

– Конечно, если будете внимательно слушать.

Зверева засмеялась. Порыв ветра взвил концы ее ало-розового шелкового шарфика, повязанного поверх свитера. Алая полоска обвила шею. Мещерскому показалось на миг, что она похожа на след крови на горле того пьяницы на обочине шоссе, которого...

– Сережа, что с вами?

– Ничего. Повернулся, наверное, неловко. Тут выбоина, Марина Ивановна. Позвольте, я вам помогу.

– Я тут каждое утро брожу, каждый камешек знаю.

Мещерский смотрел на нее: «Вот ей, ей! – приснился кошмар о том, что она пытается расчленить труп. Ей!»

– Поздравьте победителя! – со стороны кортов донесся призыв Шипова. Они подошли к ограде спортивной площадки. И вместе с Кравченко и Андреем похлопали выигравшему партию Дмитрию Корсакову. Несмотря на свою массивность, на корте он двигался проворно и действительно загонял своего более молодого соперника. Он помахал им рукой, однако подходить не стал. Вместе с Егором они подхватили ракетки и, горячо что-то обсуждая, направились к дому.

– Я рассказывал Вадиму, как мы были свидетелями пожара в театре «Феникс» в Венеции, – сообщил Шипов Мещерскому. Он подошел к жене и поправил сбившийся шарфик.

– Ужасная потеря, такой был милый, уютный театр. – Зверева вздохнула и отвела его руку. – Там шли реставрационные работы, потом с фирмой начались какие-то странности – лопнули какие-то кредиты. И вдруг театр сгорел. Все погибло. Даже рояль Верди спасти не удалось. И теперь в Венеции туристы любуются опаленным остовом «Ля Фениче». – Она вздохнула. – Вот так мы относимся к святыням. А ведь я специально приезжала в Венецию, чтобы увидеть спектакль, в котором некогда блистал Луиджи Маркези... – Увидев, что на лицах приятелей отразилось замешательство, она поспешила объяснить: – Это самый знаменитый тенор начала прошлого века. Им еще Наполеон восхищался. Знатки говорят, что Андрей – новый, воскресший Маркези.

– Но ведь зрителей, слышавших того певца, не осталось, – заметил Кравченко.

– Осталась великая школа. И кто ее постиг в совершенстве, тот...

– Луиджи Маркези был кастрат, – произнес Шипов.

Кравченко и Мещерский умолкли. Снова это коротенькое слово повисло в воздухе, оставив после себя облако отчуждения и неловкости.

– Знаете, про Маркези ходило множество анекдотов. Он ведь был неисправимый волокита. Однажды даже был бит братом своей любовницы. Его палкой угостили. Это сразу стало достоянием всей Венеции. Люди говорили: «Ах, проклятый *сопрано*, и он туда же». Но ни побои, ни сплетни его не останавливали. – Шипов говорил все это медленно, словно смаковал каждую фразу.

Зверева улыбалась. Мещерский почувствовал, что против воли неудержимо заливается краской.

– А что, я, наверное, в анатомии не силен, но как же это возможно быть вот таким, – он запнулся, но быстро подобрал нужное слово, – ущербным и тем не менее волочиться за прекрасным полом?

– Вы не точно выражаетесь, Сергей. Не тем не менее, а несмотря на. – Шипов смотрел на него в упор.

– Я крайне невежествен в вопросах итальянской оперы. Вообще, честно говоря, ничего о ней не знаю. – Кравченко поспешил на выручку приятелю и даже до вежливого тона сни-

зошел. – Но мне казалось, что подобными сладкозвучными голосами обладали не только такие вот не совсем здоровые люди. Я прав, Марина Ивановна?

– Мужское сопрано редчайший голос, – коротко ответила она.

И приятели так и не поняли, звучало ли в том ответе «да» или «нет». А уточнить не отважились.

– Мда-а, ну и дураками мы смотримся с тобой, Серж, – резюмировал Кравченко, когда супружеская чета покинула их на берегу озера и отправилась навестить каких-то соседей. – Интересно, тут все такие?

– Какие? – буркнул Мещерский.

– С вывихом.

– Гении всегда со странностями.

– Гении само собой. У нее вон сам принц Чарлз ручки лобызал.

– Таких женщин, Вадя, в мире можно по пальцам перечесть. Бриллианты чистейшей воды это. Им позволено все.

– Даже иметь таких вот мужей?

– Он что, тебе не понравился?

– Нет, отчего ж. Выглядит он даже симпатичнее, чем все эти ее родственники-шакалы.

– Шакалы? Странная ассоциация.

– А что? – Кравченко поднял камешек, размахнулся и зашвырнул его в воду. – Собрались и ждут. На лицах все написано. Кому отвалится самый жирный кусок, гадают. И если этому певуну-тенору, то жаль мне его.

– Я теперь думаю, Вадя, она специально это все устроила.

– Что все?

– Ну это – сбор всех частей и намеков на завещание. Зверева наблюдает реакцию, понимаешь? Видел ее лицо, когда ее милейший Андрюша вещал про кастратов? Ведь он это намеренно сделал.

– Для нее, что ли? Унизился?

Мещерский кивнул:

– Понимаешь, Катя все время любит цитировать фразу Наполеона: «Всего не увидишь только глазами, что у вас на лице». Так вот: на лице Зверевой много чего есть. Только мы не видим глазами. И думаю, не увидим никогда. Потому что смотреть не умеем.

– Ты думаешь, он у не~~такой~~, что ли? – Кравченко поморщился.

Мещерский пожал плечами:

– Я слышал его голос на кассете. Не мешало бы и тебе его послушать.

Кравченко сплюнул себе под ноги.

– Я думал, таких сейчас не бывает. Что они, операцию, что ли, себе делают? Или как... А нас-то она для чего сюда позвала? – спросил он почти жалобно. – В качестве кого нам тут теперь кантоваться?

Приятель его молчал.

– Давай уедем. Серега, слышь? Пошли они все, а? Плюнем и сделаем ручкой.

– Я хочу остаться.

Снова наступила пауза. И потом Кравченко сказал:

– Знаешь, я все смотрел на нее и думал про то письмо с кошмаром.

– И я тоже. А еще о чем?

– О том, что подозрительно быстро этот сон сбываться начал: трупешник оттуда в реальность переключался. Самый кондовый такой трупешник – топором пришибленный забулдыга. Станные полюса какие, а? Пьяный шабашник и итальянская опера с господами кастратами – и все, считай, в одни сутки.

– Сережа, Вадим! А я за вами, – раздался бодрый возглас.

По дороге к ним шел приветливый и улыбающийся Агахан Файруз.

– Марина Ивановна просила передать: обедаем в четыре. Александра Порфирьевна приготовила свое фирменное блюдо.

Глава 4

Смерть в неудобном месте

На следующее утро – а это была суббота – солнце светило все так же ярко и гладь озера за окном снова слепила стальным блеском. Кравченко, на удивление спокойный и довольный, распахнул настежь окно.

– Ох вы косточки мои. – Потом высунулся по пояс и возвестил: – Свежо. Красиво. Приятно.

Мещерский сел на кровати. То ли спал неважно, то ли еще что – но был в отличие от приятеля задумчив и сосредоточен.

– Ну что, не хочешь прощаться со здешней компанией? Погостим еще денек? – осведомился Кравченко. – Ты вон все о приличиях волнуешься. Так когда удобнее сказать хозяйке этого дома «адье»?

– Станный дом, Вадя.

– Что?

Мещерский откинул плед.

– Ты ничего не заметил вчера за ужином?

– Нет, а что?

– Закрой окно. Дует.

– Балтика, дуралей. Дыши глубже. Так что вчера было за ужином?

– Я просил, кажется, закрыть окно.

Кравченко подчинился. Когда на приятеля его накатывала черная волна (а случилось это крайне редко), лучше было не раздражать его.

– Ну что было-то? – повторил он с ленивым любопытством.

– Подумай сам.

Кравченко хмыкнул: ужинали вчера всем домом, дружно, в десятом часу. Были отличные жареные цыплята, свекла в молочном соусе, салаты и сносное испанское вино. Он спросил Файруза, где отовариваются жильцы озерных дач. Тот ответил: «Два раза в неделю из Сортавалы приезжает машина. Мы заключили договор с фирмой «Фри фудс», у нее прямые поставки из Финляндии для ресторанов. Можно было напрямую с рестораном договориться. Но это ни к чему. Александра Порфирьевна отлично готовит». Кравченко выслушал его с непроницаемым лицом, отметив, что в организации вопросов снабжения Зверева – точь-в-точь его босс Чугунов, который, разбогатевав, стал фантастически разборчив в пище. «С жиру они бесятся, вот что, – подытожил он завистливо. – Сколько она, интересно, платит за весь этот сервис и изобилие?»

– Я заметил, Сережка, только то, что пожрать тут все любят вкусно и бабок на это не жалеют, – сказал он, – чужих бабок, заметить.

– Было очень душно.

– Не понял?

– За столом. Очень напряженная атмосфера.

– Все очень мило беседовали.

– А о чем – можешь вспомнить? – Мещерский усмехнулся.

– О кастратах, слава богу, не упоминали. А о чем говорили... Бог его знает. Эта Марина Великолепная все со своей подругой толковала о...

– О том, что в камине в гостиной надо прочистить трубу. Дымит.

– Вроде. И все ей поддакивали. А братец ее сказал, что на даче вообще нужен ремонт. И что в его ванной визжит кран.

– Да, – Мещерский кивнул.

– Ну? Э-э, брат, чтой-то на тебя нашло, а?

– Там было нечем дышать, Вадя. – Мещерский взглянул на друга, и тот прочел в его взгляде тоскливую тревогу, возникающую у многих из нас тогда, когда никак не раздается долгожданный звонок не вернувшегося издалека близкого человека. – Я там задыхался. Разреженная атмосфера. Эверест.

– Но что конкретно ты почувствовал? Что это было? Неприязнь? Страх?

– Не знаю. Просто духота, как перед грозой.

Кравченко только рукой махнул:

– Ты внук милейшей Елены Александровны, Серега. Яблочко от яблони. Нервы-с.

– У меня стальные нервы или вовсе нервов нет, – промурлыкал Мещерский, взял полотенце и направился в ванную. – А знаешь еще что?

– Ну?

– Я все равно не хочу отсюда уезжать. Пока.

– Черкни письмецо бабуле, – вдогонку крикнул ему Кравченко. – Изложи ей свои сны.

– Мне сегодня ничего не снилось.

– А мне... эх! – Кравченко аж зажмурился. – Ладно, пошлить не будем, вы этого не любите.

– Значит, ты ничего не слышал сегодня ночью?

– Слушай, хватит дурака валять. Это уже не смешно. Что с утра туман напускаешь?

– Я ничего не напускаю, – Мещерский уже захлопывал за собой дверь. – Просто я хочу сказать, что ночью в этом доме, кроме меня, кто-то еще не спал.

Завтракали на этот раз все порознь. Агахан Файруз с утра был чем-то уже занят – Мещерский слышал, как он пылко и раздраженно разговаривал с кем-то по радиотелефону в комнате, обставленной как некое подобие кабинета – с пыльными книжными стеллажами, старым письменным столом, на котором теперь красовался «ноутбук» последней модели с раздражающе ярким экраном. Имелось там и маленькое пианино в углу, заваленное папками с нотами.

Комната, как пояснила Мещерскому Майя Тихоновна, была некогда кабинетом первого мужа Зверевой, дирижера Станислава Новлянского – отца Алисы и Петра. И все в ней с тех пор оставалось так, как и при его жизни. Однако теперь в ней обитал секретарь. И престижный чемоданчик походного компьютера принадлежал явно ему.

Дмитрий Корсаков с мокрыми после душа соломенно-крашеными волосами взял у домработницы только чашку кофе и пил его в музыкальном зале. Включил магнитофон. Мещерский снова услышал приглушенную «Шехеразаду», на этот раз уже в исполнении симфонического оркестра. Первые такты, тему Шехеразады – нежную и трогательную партию скрипки. Корсаков постоянно возвращался на эту мелодию, щелкая кнопкой перемотки пленки.

Григорий Зверев и Алиса Новлянская, как оказалось, с самого раннего утра гулявшие вокруг озера, явились к завтраку тихие и очень серьезные и тут же составили компанию приятелям. Алиса принесла из бара в гостиную бутылку бренди и хотела было налить мужчинам, но все отказались – утро все-таки. Тогда она налила себе в кофе солидную порцию. Новлянский Петр, сошедший к столу ровно в девять ноль-ноль в шикарном ярко-алом спортивном блузоне от Ферре и белоснежных брюках, молча забрал у нее бутылку и так же молча вернул ее в бар.

Майя Тихоновна кофе пить не стала, жаловалась на мигрень, на «мухи в глазах» и попросила Шурочку выжать ей на кухне морковного сока пополам с апельсиновым. Однако на гренки и на булки налегала так, что те только хрустели у нее на зубах.

К столу не вышли только Зверева с мужем да Шипов-младший. В саду не было слышно и лая бультерьера. Мещерский ел без особого аппетита. Мысли его блуждали далеко. Где – он никогда бы никому не признался. Даже себе. Из зала лилась «Шехеразада»: корабль Синдбада плыл навстречу приключениям. И вот капитан увидел принцессу – точно Одиссей Навсикаю... Мещерский подцепил вилкой сардинку. «Музыка говорит нам то, что мы скрываем даже от себя». Точно. Скрываем то, что постоянно стоит перед нашими глазами. А что стоит? Спальня. Вчера вечером он узнал, что спальня Зверевой – на первом этаже рядом с музыкальным залом, двери ее выходят в холл перед гостиной. Белые двери, окна – на озеро. И Шипов ушел туда первым. Мещерский откусил кусочек тоста со свежим огурцом – на столе, как назло, не оказалось соли. Господи, что это за пара? Как она просыпается по утрам, как засыпает ночью? У Шипова слишком кожа нежная, слишком покорный взгляд. *Неужели ему не противно* видеть рядом с собой эту постаревшую женщину, которой уже пятьдесят два (!) года, эту великолепную, странную женщину? Он пил обжигающий кофе. Ну а тебе, тебе самому, *доведись вот так*, какие бы чувства ты сам испытал с ней рядом? Он потянулся за салфеткой.

Ведь у нее было четыре мужа, а любовники? Да что говорить! Кто не вздыхал по ней, кто не хотел ее... когда она была молодой? Кастро вон с ней по пляжам гулял, Рейган на ранчо возил. А еще баба Лена рассказывала, что в семьдесят восьмом в Мадриде из-за нее вроде бы свел счеты с жизнью какой-то знаменитый тореро. И все это – ее век. Прошрое. От которого остался только голос. Да еще эта увядшая ухоженная маска искусно загримированного лица. И этот мальчишка Сопрано тоже вот остался...

Мещерский отложил салфетку и, улыбнувшись, вежливо поблагодарил Александру Порфирьевну за отменный завтрак.

– Сергей, прошу прощения, но там какой-то парень на машине вас спрашивает. – Мещерский почувствовал на плече чью-то руку. Бело-красный фирменный Петр Новлянский кивнул ему, распространяя вокруг себя аромат дорогих мужских духов.

– Меня спрашивает?

– Вас и вашего приятеля.

– Кто же это?

«Яппи» пожал узкими плечами:

– Пригласить его в дом?

– Нет-нет, сейчас мы выйдем, – Мещерский поспешно поднялся.

Он разыскал Кравченко – тот сидел на террасе с появившимся откуда-то Андреем Шиповым. Сопрано держал в руке стакан молока и пил его маленькими глотками. В белесых потертых джинсах и синей хлопковой футболке он казался совершеннейшим подростком. На его шее поблескивала золотая цепочка.

Они с Кравченко о чем-то оживленно беседовали, а когда подошел Мещерский, умолкли.

– Интересно, кому это мы понадобились? – заметил Кравченко. – Хотя я, кажется, догадываюсь.

Шипов вышел вместе с ними. У ворот стояли потрепанные вишневые «Жигули», а за рулем – оперуполномоченный Сидоров собственной персоной.

– День добрый, – поздоровался он подозрительно приветливо. – Вадим, Сережа, вас не затруднит снова кое в чем оказать нам помощь?

Мещерский хотел было огрызнуться: «Да вы что себе позволяете?» – но Кравченко уже жал оперу руку, словно лучшему другу, и дергал дверцу машины.

– А в чем дело, простите? – спросил Шипов встревоженно. – Это мои гости. А вы, собственно, кто такой?

– Это сотрудник местного уголовного розыска. Мы вам, Андрей, рассказывали вчера. – Кравченко вздохнул.

– А, случай на дороге, убийство. А куда же вы их забираете? На каком основании?

– Да не волнуйтесь вы так. – Сидоров лучился душевностью. – Украду ваших друзей всего на часок. А потом лично домой доставлю.

– Но как же это...

– Андрей, все в порядке. – Кравченко махнул рукой. – Мы скоро вернемся. Серег, не стой как столб. Садись. Видишь, человек занятой ждет нас. Так, что ли, занятой человек, а?

В машине Сидоров весьма развязно спросил:

– Что это за красавчик такой настырный?

– Муж, – коротко ответил Кравченко.

– Муж? Зверевой?!

Мещерский поморщился – от такой наивной несдержанности.

– Ни хрена себе!

– Вы видели Звереву? – ледяным тоном осведомился Мещерский.

– По телевизору. Концерт какой-то передавали. Она все арии пела. Маловат муженек-то у нее. В сыны годится. Сейчас мода, что ли, пошла на такие мезальянсы?

Мещерский отметил, что словечко «мезальянс» опер произнес с особым шиком, «в нос» – нате, мол, вам. И мы понимаем, мол.

– Мода-мода, – Сидоров лихо заложил поворот, аж тормоза взвизгнули. – Словно с ума все посходили.

– Куда вы нас везете? – не выдержал Мещерский. – Что это все значит, в конце-то концов?!

– Да понимаешь, такое дело, друг. Ну, тот осмотр, что мы делали-то при вас. Не на всем вы тогда расписались. Лопухнулись мы в спешке. Там еще схему пришлось начертить, фототаблицу сделали, ну и... Мне Валентина наша из прокуратуры с утра телефон оборвала – вези немедленно понятых, пусть распишутся, а то уедут отпускники – и поминай как звали. Ну, черкнете сейчас завиток, она вас быстренько допросит и...

– Допро-о-сит? – Мещерский уже негодовал. – Зачем?

– А на случай сомнений в суде, – опер подмигнул. – Страхуемся мы так. С судом у нас знаешь как? Во, – он чиркнул ребром ладони по горлу, машина при этом лихо метнулась на встречную полосу. – Председатель – зверюга. Тигр. Милицию на дух не переносит. Что ни принесешь – протокольную там, ордер, – все ему липа. А с понятыми вообще лютует, все в подлоге нас подозревает. Вот мы и придумали понятых допрашивать на протокол, чтоб комар носа не подточил.

– Так допрашивает же прокуратура, – хмыкнул Кравченко.

– А дело-то мы раскрываем. Вот нас потом и долбят в суде как дятлы. Так что, ребята, выручайте по второму разу.

– Я так и знал: так просто теперь ты от нас не отстанешь.

– Ну! – Опер широко улыбнулся. – Работа такая. Вы из Первопрестольной ведь? – спросил он немного погодя. – Я сразу там, на дороге, понял. Даже еще документы ваши не смотрел. По выговору. А я в Москве учился, между прочим, в Вышке – Высшая школа милиции. Пять лет отбарабанил.

– Земляки, значит. – Кравченко по-хозяйски потянулся к «бардачку», нашарил там пачку сигарет. Курил он редко – сегодня что-то нашло. – А сам откуда?

– Городок такой есть в Подмоскovie, Железнодорожный. Слыхали?

– Слыхали. А как же тебя, Саша, сюда, в карельские болота, занесло?

– Женился, – опер хмыкнул и уточнил: – По любви.

– Ну, это дело хорошее.

– А через полтора года развелся. Теща меня чуть-чуть до дырки *от табельного* не довела.

– Тещи – заразы, – поддакнул Кравченко. – А потом что?

– Снова женился.

– Опять по любви?

Сидоров дал ему прикурить.

– Вроде. Я не понял даже. С этой мы тоже недолго миловались: скандалить стала – поздно прихожу да много пью. Ну, я навязываться не стал. Только вот без квартиры в результате остался.

– Значит, один тут теперь?

– Почему один? Баб много. Курортницы тоже. Хотя сейчас, конечно, размах не тот. Местные все в расстроенных чувствах – с работой стало туго. Мужики их ни черта не зарабатывают. Фабрика тут была мебельная – так коту под хвост ухнула. Санатории по полгода пустуют. А работы нет, лопать нечего – с голодухи и на любовь не тянет. Так что... Скучно здесь, ребята. – Сидоров вздохнул. – Водка, водка, водка. Раньше финны к нам табунами ездили, пили тут все выходные. Мы их потом штабелями в автобусы грузили. А теперь... Так что убийство вроде встряхнуло всех. Хоть стимул появился.

– Ну да, воля к жизни, – процедил Мещерский. – Но вы обратно-то нас довезете, надеюсь?

Опер обворожительно улыбнулся.

В прокуратуре они промаялись битых два часа. У следователя шла какая-то очная ставка. И она распорядилась, чтобы понятые подождали. Сама же процедура проставления подписей на схеме-приложении к протоколу осмотра места происшествия и фототаблице и допрос от силы заняли минут пятнадцать.

– Мы еще вам чем-то можем помочь? – вежливо спросил следовательшу Мещерский.

– Пока это все. – Ее прокуренный бас громыхнул в тесном кабинетике, где было просто не продохнуть от сизого дыма. А мощный бюст, обтянутый серым мохеровым свитером, был густо посыпан пеплом, словно голова грешника.

– Когда убийцу задержат? – осведомился для порядка и Кравченко.

– Это не ко мне вопрос.

– Ну, у нас же друзья на даче волнуются. Шутка ли, на воле бродит псих с топором!

– Сейчас много психов бродит. – Она закурила новую сигарету. – Как долго вы тут еще пробудете?

– Не знаем, возможно, неделю.

– Ясно. До свидания. Спасибо за помощь.

– Чистый комиссар из «Оптимистической», – поежился Кравченко, когда Сидоров сажал их в машину (на часах было уже четверть третьего). – Так и подмывало спросить: «А кто *не хочет* комиссарского тела?»

Опер ухмыльнулся:

– Да будет вам известно, у нее муж – фермер. Нутрий они разводят. Натуральное хозяйство, так сказать. Валентина все хвалится – дотяну до пенсии, пошлю вас всех в баню и буду крысят на шубы разводить. На хлеб с маслом хватит.

Мещерский подумал, что наверняка прокурорша отправилась на осмотр места происшествия прямо от своих нутрий: получили объяснение и ее грязные резиновые сапоги, и нелепая куртка.

– Новости-то хоть есть у вас по розыску этого ублюдка? – осведомился Кравченко.

– Если б он просто ублюдком был, – Сидоров мечтательно вздохнул. – С таким бы я церемониться не стал. При задержании – щелк и... А кто мне докажет, что это не самооборона была? Только ведь он вроде больной.

– Как его величают-то?

Опер полез в нагрудный карман и достал глянцевую карточку фоторобота.

– Любуйтесь на всякий пожарный.

Приятели рассматривали подозреваемого в убийстве психопата.

– Нестарый еще, – заметил Кравченко, – правда, уже лысеть начинает. От лишений, что ли? А по лицу и не скажешь, что с приветом. Из интеллигентов?

– Работал в КБ точной механики в одном «ящике» закрытом. Вот тебе и отбор обороны. Там, видно, и свихнулся. – Сидоров перевернул снимок. – Пустовалов Юрий Петрович, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, уроженец Ленинградской области.

Мещерский внимательно смотрел на фоторобот – костистое невыразительное лицо, тусклые глаза, тонкие губы, впалые щеки, точно их втянули в себя в поцелуе, а вернуть на прежнее место позабыли. Было в этом лице нечто раздражающее: болен человек, опасен, безумен. А что с ним поделаешь? И правда, не стрелять же его как бешеного пса...

Подъехали к воротам. Бесшумно повернулась черная коробочка камеры, блеснув линзой объектива на солнце. Створка ворот поехала вбок. Охранники из будки не появились.

– А тебя тут узнают, – заметил Кравченко.

– Попробовали бы не узнать, – Сидоров самодовольно улыбнулся. – Недолго и лицензии лишиться. А с работой в нашем медвежьем углу, как я уже сказал, – швах. Эх, шикарно жить не запретишь, – молвил он через минуту, направляя «Жигули» на шоссе-бетонку, проложенную по берегу озера. – Видали, какие тут у нас дворцы в сосновом лесочке архитектурят? Скоро Балтийская Ривьера закрутится. Под ресторан уже один чечен место у нашей администрации выбивает. Так что дачи этих театралов считай что фазенды.

– Мне бы такую фазенду в сорок комнат, – вздохнул Кравченко.

– Понравилось у Зверевой?

– Угу. Но ему вон больше. – Кравченко кивнул на Мещерского. Тот поймал в зеркальце насмешливый взгляд опера.

– Важная дамочка, – сказал он. – Царица. Я б только за то, чтоб поговорить с такой, – в лепешку б расшибся.

– У нас тут кое-кто тоже расшибается, – засмеялся Кравченко. – Все возрасты покорны кое-чему.

– А вон местная достопримечательность. – Опер великодушно перевел разговор с *интим*а на любование окрестностями. – Вертолетную площадку бетоном замостили на том лужке. Это Гусейнов, банкир из Москвы, выпендривается. Наши в отделе узнавали – заливает или нет насчет вертолета? Нет, оказывается, – имеется машинка, и не одна, а плюс самолетик спортивный. А там видите? Фундамент. Это конюшня у него вроде будет. А вон и сама фазенда – стройматериалы уже завозят. Кирпичи как для кремлевской стены. – Сидоров сбросил скорость, давая приятелям возможность проникнуться всей грандиозностью строительных планов дачника-толстосума.

Мещерский брезгливо смотрел на безнадежно изуродованный земляными работами неуютный участок леса. Затем картина изменилась: проплыли кусты густо разросшегося боярышника, закрывающие панораму стройки. Их переплетенные ветки образовывали плотную массу, непроницаемую для солнечных лучей. И вдруг там мелькнуло что-то яркое, розово-красное.

– Остановите, пожалуйста, – Мещерский открыл дверцу и выпрыгнул почти на ходу, едва не подвернув ногу. *Что это еще такое? Откуда это здесь?* Он быстро прошел назад по шоссе. Метрах в двух от обочины на ветвях кустарника трепетал на ветру полуразорванный шелковый шарфик, который вчера утром он видел на Марине Зверевой! Мещерский дотронулся до шелка – зацепился за ветки. А ниже под ним, под кустами – примятая трава, сломанные сучья, словно здесь через заросли протаскивали что-то вглубь и...

– Ты что, офонарел, на ходу сигаешь? – Кравченко тоже увидел шарфик. – Откуда это здесь?

– Ну-ка, братцы, погодите, – Сидоров быстренько оттер их в сторону. – Знакомая тряпочка?

– Это вещь Марины Ивановны, – упавшим голосом возвестил Мещерский.

– А здесь... здесь волокли что-то тяжелое, ветки вон сломаны...

Сидоров пощупал излом.

– И недавно совсем. Ну-ка пойдем глянем.

Они продрались сквозь кусты и очутились на полянке, поросшей пожелтевшей осокой. В эту полянку отлого переходил склон невысокого холма – песчаная почва, несколько молодых сосен. По холму вилась узкая тропка, видимо, проложенная тут неумолимыми дачниками. Оканчивалась она возле какого-то бетонного кольца, низко врытого в землю. Мещерский поначалу даже и не понял, что это, – солнце слепило. Потом разглядел – нечто наподобие артезианского колодца или заброшенной бетонной опоры, а возле нее...

– Мать честная! – ахнул Сидоров. – Ну, дождались!

Мещерский закрыл глаза. Секунду назад, ощущая в ладони прохладный шелк, он уже подспудно готовился к тому, что, ВОЗМОЖНО, УВИДИТ, но... увидел совершенно другое. СЛАВА БОГУ? СЛАВА БОГУ, ЭТО НЕ ОНА. А...

У колодца в нелепо-неестественной позе лежал тот, с кем всего три часа назад они расстались у ворот дачи: Андрей Шипов. Мещерский с трудом овладел собой, заставил себя СМОТРЕТЬ: майка и джинсы Сопрано залиты кровью. Зияющая рана на хрупком горле. Спутанные волосы, а в них – травинки, листочки, мелкие сучья, сор. Лицо – восковая маска, изуродованная судорогой. Мещерского снова поразило сходство Шипова с Киану Ривзом в образе Будды из фильма Бертолуччи, теперь Будды страдающего, излучающего боль. Шипов как-то странно полусидел, прислонившись к колодцу, – ноги, перепачканные кровью, согнуты, руки – как плети, торс выгнут, словно в последней агонии мертвец пырвался встать.

Сидоров склонился над трупом.

– Телефон на даче имеется? – хрипло спросил он, облизывая враз пересохшие губы.

– Да. И у нас «сотка». Только в комнате осталась. – Мещерский тоже не узнавал своего голоса.

– Слетай мигом. На холм, берегом озера – тут недалеко. Номер 56–13, а лучше волоки сюда, я их сам вызову. И никаких комментариев там. Никому, слышишь?!

Этого он мог бы и не говорить. Когда Мещерский скрылся за соснами, они на пару с Кравченко снова повернулись к трупу. Кравченко осторожно обогнул бетонное кольцо.

– Это колодец, – сказал он. – Заброшенный. Рельсами вон забили. А тут что? Кровь. На стенке – смотри-ка. И здесь тоже, на этих свайках. – Он указал на толстые полосы металла, крест-накрест прикрывавшие черный зев колодца.

Потом он присел на корточки. Осмотрел, насколько это было возможно без перемещения тела, спину Шипова – сбита кверху футболка, на коже – вроде ссадины, но видимость была ограничена. Молча указал на все Сидорову. Тот осторожно провел рукой по карманам джинсов убитого. Там ничего не оказалось. Затем они все так же осторожно и тщательно, круг за кругом, обыскали траву, местами примятую. Кое-где на ней чернели пятна запекшейся на солнце крови. Увы, нигде не оказалось ни одного участка голой почвы, никаких отчетливых следов обуви.

– А это что? – Опер наклонился и поднял с травы порванную золотую цепочку. – Это его?

Кравченко кивнул.

Сидоров промерил глазами направление от кустов – след волочения от шоссе до брошенного колодца.

– Тут что-то не так, – сказал он. – Я не могу определить, где конкретно на него напали, нанесли удар. Должна быть обильная кровь в этом месте. Обязательно должна.

Лихорадочно по следу в траве вернулись к кустам. Снова продрались сквозь них к месту, где словно яркий флажок неизвестной страны все еще полоскался на ветру шелковый оборвыш. Кравченко прошел немного вперед.

– Здесь! Нашел, кажется, – крикнул он тревожно.

У обочины дороги чуть в стороне на траве – лужа черной крови.

– Шипов шел по шоссе. А за ним наблюдали из кустов. Напали, возможно, сзади, полоснули по горлу – вот так. При умелом ударе это все выглядело бы...

Сидоров смотрел на шарфик:

– Так, он начал падать, зацепился вот этой тряпкой. Это его тряпка? Нет? Не знаешь, что ли? Ну ладно, потом разберемся. Так, а уже отсюда его потащили к колодцу.

Кравченко молчал – отчего-то ему не хотелось говорить, что шарфик, на котором опер выстраивает сейчас свою версию картины убийства, не принадлежал Сопрано, а принадлежал...

– Он легкий как перышко, Саша, – сказал он хрипло.

– Что? – Сидоров болезненно поморщился.

– Это было несложно. Ну, тащить его. – Кравченко посмотрел на часы: – Без семи три, а Шипова убили...

– Около полудня, может, в час дня. Судя по следам крови... Хотя там, на поляне, солнце пек, все могло произойти и гораздо позже.

– Около половины второго?

Опер кивнул. Прежнее развязно-залихватское выражение лица его сменилось теперь угрюмо-вопросительным.

– Служивцев-то у тебя много? – поинтересовался вдруг Кравченко.

– А что?

– Лес будете прочесывать?

– Будем. Обязательные действия. Инструкция.

– Зря.

– Почему?

– Интуиция. Тот, кто это сотворил, уже там, где его никакие прочески не достанут. Пятки салом смазал он, Шура, – Кравченко все смотрел на убитого. – И запомни: *мы были с тобой в момент убийства. Алиби*. А то я знаю ваши манеры: чуть что и...

– Я всегда все помню.

– Ну, я рад. Дай-ка мне фотку, что у тебя в кармане, – и, когда опер протянул ему фотоаппарат Пустовалова, Кравченко сунул его в карман куртки. – У тебя таких много, а мне теперь эта морда и самому понадобится.

Сидоров приподнял брови, всем своим видом выказывая: «Ты-то еще что дерзишь?»

– Там женщины, Шура. На даче Зверевой, – пояснил Кравченко, смягчая тон. – О них мы теперь должны думать в первую очередь.

Мещерский вернулся бледный и задыхнувшийся после своего печального марафона, передал черный пенальчик радиотелефона оперу.

– Дома все тихо, – сообщил он. – Естественно, я никого ни о чем не спрашивал пока.

– И в будущем помолчи, – приказал Сидоров, набирая номер отдела, – вот что, ребята, договариваемся как *жентльмены*: спрашивать теперь – мое дело, а вы... Алло, дежурный? Сидоров говорит, соедини меня с Палом Сергеевичем. Срочно! И свяжись с экспертами. Кто сегодня дежурит? А этот, новенький... Давай всех вызывай. Да. Случилось. На террито-

рии дачного кооператива. Двадцать второй километр. Давай опергруппу сюда. И прокурору сообщи.

В роли понятых на этот раз побывать не пришлось. Местный отдел милиции высадив настоящий десант, а в качестве «беспристрастных» взяли двух охранников из сторожки. По их вытянувшимся лицам Кравченко определил – как те боятся теперь лишиться своей спокойной, сытой работы.

– Что, проворонили? – рявкнул на них Сидоров. – Турнут вас теперь за халатность по первое число. И поделом!

– Да мы... Тут никого ведь не было! Чужих. Мы же никуда не отлучались от пульта! Пленки вон можете посмотреть.

– Посмотрим, дайте срок.

Что далее происходило при осмотре места происшествия, Кравченко и Мещерский так и не узнали. Им было приказано сидеть в дежурной машине на шоссе. Сидели они там аж до половины шестого вечера. От голода, волнения, бензиновой вони, а главное, от сознания того, что вот случилось нечто дикое, неприятное и страшное, о котором теперь придется поневоле говорить и думать все ближайшие часы и дни, у Мещерского глухо ныл затылок – словно его съездили по черепу чем-то увесистым и мягким.

– Кто ей сообщит о его смерти? – спросил Кравченко, мрачный как туча.

– Уступаю тебе.

– Да? А впрочем, это не наша обязанность. Это Сидоров тут вопросы задавать намеревался. Ну и пусть. А мы с тобой, Серега, будем немые как рыбы.

– И как долго?

– То есть?

– Я спрашиваю: как долго немые?

Кравченко вздохнул:

– Наше дело теперь молчать, слушать, смотреть и делать выводы. Раз уж вляпались в такое дело по дури своей...

– Я не виноват, Вадя! Откуда же я знал, что все так обернется?

– Ты письмо помнишь?

– Что? – Мещерский начинал злиться.

– Ну письмо ее твоей бабуле восстановить мне сможешь дословно?

– Нет, шутишь, что ли? Нашел время.

– А в общих чертах?

– Ну смогу.

– На ночь расскажешь, – хмыкнул Кравченко. – Это будет первая сказочка нашей тысяча и одной ночи здесь.

– Мы могли бы уехать... Сегодня же, – Мещерский жалобно-вопросительно покосился на друга. – Если хочешь, мы могли бы... – Он покраснел: до каких же глубин малодушия приходится иногда опускаться под влиянием обстоятельств!

– *А теперь я не хочу.* – Кравченко положил руку ему на запястье, сжал. – Ну, выше нос. Нас все равно в ближайшие дни никто отсюда не отпустит. А тайно я никогда ни от кого покуда еще не бегал. Еще подписку возьмут, с них станется – менты ж. Так что... А ты подумай пока, отвлекись.

– О чем – подумай?

– Я же сказал: о *том письме*.

Мещерский прислонился лбом к стеклу: Кравченко всегда был такой. Чем глупее и нелепее ситуация, тем глупее и парадоксальнее его высказывания и советы. А ведь воображает, что говорит нечто уместное и остроумное. Как мы все-таки заблуждаемся насчет своих умственных способностей! Как самонадеянно заблуждаемся.

Глава 5

Без сопрано. Ночь

Этот вечер и ночь в доме, переполненном перепуганными плачущими людьми, где беспрерывно звонил телефон, а во всех комнатах кто-то кого-то допрашивал, заполнял какие-то бланки, просил подтвердить, прочесть, расписаться, рассказать о том, кто и когда видел убитого последним, – этот вечер и ночь острыми занозами засели в сердцах обоих приятелей. Однако впоследствии они старались не касаться этой темы.

Мещерский, тот вообще пытался забыть все. Все, кроме...

ЛИЦО МАРИНЫ ИВАНОВНЫ, когда Сидоров, приехавший на дачу вместе с той самой следовательшей-фермершей, прокурором района и начальником ОВД, сообщил ей о гибели мужа. Лицо окаменело. Стало гипсовым слепком, покрытым трещинами-морщинами. Зверева медленно спустилась по ступенькам (когда ей сказали, что приехала милиция, она была наверху), прошла в музыкальный зал, осторожно, словно боясь разбить свое тело, опустила его на диван.

– Ради бога, кто-нибудь, растопите камин. Здесь холодно. – Все, что она сказала им всем.

К дровам в камине бросился Корсаков. Руки его дрожали. Он щелкал зажигалкой. В конце концов, когда пламя, уже вспыхнув, охватило щепки и стружку, уронил зажигалку в камин, обжегся, пытаясь достать. На ладони его появились белесые пузыри от ожога.

Шипов-младший выбежал во двор. Там его остановили милиционеры. Он схватил одного из них за куртку, рванул к себе, потом словно опомнился – сполз на землю, сел и заплакал как мальчишка-первоклассник. Белый бультерьер лег у его ног и злобно скалился на всех подходивших слишком близко.

Реакции других домочадцев Мещерский просто не заметил. Уже ночью в кровати, вертясь с боку на бок и слушая мерное дыхание Кравченко (они хотели было вечером снова предложить Зверевой свои охранные услуги, но Файруз испуганно замахал руками: «Что вы, с ней нельзя сейчас говорить, она в шоке»). Осталось только извиниться, подняться к себе и лечь спать), он вспомнил одну вещь, которая сначала остро поразила его, потом напрочь позабылась в вихре событий, а теперь вот во тьме комнаты снова всплыла в памяти. Когда он мчался за радиотелефоном, то попал на участок не через ворота, а через калитку за домом – тропинка с холмов упиралась как раз в эту открытую настежь чугунную решетку со сложным засовом. По забору лепились гаражи – туда, видимо, ставили машины как самой Зверевой, так и ее гостей, – всего три просторные металлические коробки. И была там еще бежевая свежeweымытая «Тойота» – машина Петра Новлянского. Сам он копался в багажнике, а его сестра Алиса поднимала при помощи домкрата дверь гаража, которую неожиданно заклинило. И вот теперь Мещерский вспомнил, что его тогда особенно поразило: *как легко, с какой неожиданной силой и сноровкой эта худосочная девица справлялась с увесистой дверью!* Когда он возвращался, они уже открыли гараж и загнали «Тойоту» внутрь. Алиса же отмывала что-то со своей спортивной куртки.

Мещерский закрыл глаза: все так ясно, так отчетливо – вся картина так и стоит. Заворочался.

– Вадька, ты не спишь?

– Сплю. И ты спи. Время «Ч», – однако голос Кравченко был отнюдь не сонный.

– Я хотел тебе сказать...

– А я сплю, Серега. Говорить будем завтра, на свежую голову.

– Но я хочу сказать: ты веришь в то, что милиция говорит? *Что Шипова убил тот псих.* Они утверждают, что...

– Они ничего пока не утверждают. А я сплю.

– Ты не веришь!

– Без этого психа было бы легче дышать. Нам всем.

– Помнишь, что я тебе говорил про этот дом? Помнишь?

– Помню.

– Я так и знал, Вадька, подсознательно – знал. Я чувствовал. Понимаешь?

– Понимаю. Спи. Кстати, ты же недавно только говорил: «Откуда мне было знать?»

– Не цепляйся. Слышишь? Да слышишь ты меня или нет?!

– Ну что еще?

– У тебя выпить есть?

– В сумке фляжка. Возьми.

Мещерский встал, нашарил в темноте в багаже Кравченко плоскую металлическую фляжку, из которой герои в ковбойских фильмах потягивают скотч. А Кравченко в ней держал свой любимый армянский коньяк. Глотнул, поперхнулся, снова глотнул.

– Завтра я найду кассету, – заявил он решительно, – в этом доме обязательно должны быть кассеты или диски с ЕГО голосом.

– Зачем это тебе теперь?

– Я хочу, чтобы ты услышал, как он пел. Ты должен услышать.

– Ладно, послушаем. Ложись. Пробку смотри не забудь завернуть!

Мещерский швырнул фляжку в сумку. Бухнулся в кровать. Зарылся лицом в подушку: «Зачем мы сюда только приехали? – Мысль скреблась, точно кошка о крышку молочного бидона. – Я сам все это затеял, сам. А теперь мне просто тошно, тошно, тошно!»

Глава 6

Без сопрано. Утро

– Надо ко всему отнестись философски, – глубокомысленно изрек Кравченко, когда утром собрались спускаться вниз в столовую. – Во-первых, рыпаться мы будем только в строго установленных рамках, а во-вторых...

– Рыпаться! Этот твой жаргон, – Мещерский скривился. – Интересно, кто эти рамки нам установит? Твой разлюбезный Сидоров, что ли?

– Боготворимая тобой хозяйка этого дома. Теперь все решать ей. И насчет наших действий тоже, а во-вторых, повторяю...

– Вы не спите? Нет? Простите, я шел по коридору, услышал ваши голоса. – В дверях стоял Григорий Зверев, успевший уже облачиться в свою претенциозно-молодежную «кожу». Однако на этот раз место рубашки занял траурный супермодный френч. Две его верхние застёжки нарочито небрежно открывали загорелую грудь. Зверев жевал мятную резинку. Ею противно-свеже запахло в комнате.

– Да, ребята, какие у нас тут дела завертелись. Вы позволите? – Он прошествовал к креслу у окна, сел и непринужденно вытянул ноги.

Мещерский отметил, что дубляжник, как про себя он окрестил этого роскошного, отлично знавшего себе цену мужчину, сегодня настроен отчего-то весьма дружелюбно с теми, кого еще день назад едва замечал.

– Я кофеварку достал. Каждому самому сегодня придется о хлебе насущном заботиться. Шура в слезах, все из рук у нее валится. Плачет у себя, – сообщил он самым доверительным тоном.

Мещерский не мог не восхититься тем великим талантом притворства, с которым Зверев манипулировал своим бархатным баритоном. «Как на виолончели играет. Вот что значит актер – голосом выразит все, что захочет».

– Благо холодильник полнехонек, – продолжал актер. – Там электрогриль еще есть в чулане. К обеду вытащим на лужайку, нажарим стейков на свежем воздухе. На всю компанию.

– Вряд ли сегодня у кого-то появится тяга к пикникам, – возразил Кравченко.

– Да, дрянь делишки, – Зверев вытащил из кармана пачку сигарет. – Прошу.

Они отказались.

– Тогда... с вашего позволения. – Он закурил. А им ничего не оставалось как сесть – видимо, Зверев настроен был на беседу.

– Значит, это вы его, бедняжку, нашли вместе с тем милиционером? – спросил он, выдыхая дым.

– Мы. Сергей первый заметил из машины.

– Он ведь вроде где-то в кустах лежал. Мне парень из розыска сказал.

– Ну, не совсем. Там у вас от задней калитки тропинка ведет к колодцу.

– Знаю. Артезианская скважина. Колодцы в самом начале застройки тут бурили, когда на дачах только-только водопровод проводили. Потом вода ушла, а дырки остались.

– Колодец забит. Вот возле него Шипов и...

– Какой удар для Марины, – Зверев потер рукой подбородок. – Какой страшный удар! Как-то все у нее пошло черной полосой – сначала смерть Стаса, потом у Генриха инсульт – год с сиделками, врачами, потом еще одна трагедия, а теперь вот Андрей умер.

– Простите, а кто такой Стас? – спросил Мещерский.

– Новлянский. Хотя они давно разошлись, отношения у них были самые дружеские. Дети – я имею в виду Лисенка с Петькой – подолгу жили у Марины, она их как родных любит. За границей на ее средства учились: Алиса в Центре киноискусства и режиссуры в Венеции, Петр экономический факультет избрал. Так что на ноги встали с ее поддержкой. А Стас не возражал. У него своих проблем хватало – не до детей было. С женщинами ему после Марины все как-то не везло, пить стал от неустроенности. Мы с ним иногда встречались в Москве, в ресторане сидели. Жаловался он мне все. А похож был на старого бездомного пса-дворянгу.

– А с другими мужьями вашей сестры вы тоже были знакомы? – Мещерский решил: раз уж этот дубляжник настроен сегодня столь подозрительно общительно (на ответную откровенность, что ли, вызывает?), надо этим воспользоваться. – Я имею в виду...

– Генриха фон Штауффенбаха? Милейший мужик был, – Зверев усмехнулся. – Он наполовину австриец, наполовину швейцарец. Пять языков знал. Но по-русски ни гугу. Они с Мариной дома по-немецки говорили, по-итальянски, по-французски. Смешно так. А жили душа в душу. Ну, естественно, при такой разнице в возрасте он ее просто боготворил.

– И большая разница?

– Постойте-постойте, да, он ее был старше почти на... тридцать два года. Умер-то восьмидесятитрехлетним.

– Вот что значит альпийский воздух! Наши-то старички в таком возрасте уже кашку манную жуют, а эти горнолыжники из Давоса еще и дела обделывают, и любовь там, и деток, – восхитился Кравченко. – Откуда только силы берутся?

– Кстати, о возрасте. Близкий друг Генриха Энтони Куин – ну, естественно, помните «Дорогу» Феллини? Я его, между прочим, дублировал – когда мы встречались в Лугано, старик этому очень смеялся. Так вот, они домами дружили лет сорок. – Зверев закурил новую сигарету. – Так в девяносто три старина Тони вдруг взял и женился на одной молоденькой девице. И у него родился сын. Он звал Генриха с Мариной на крестины в Штаты. Только Генрих уже тогда на коляске, как Рузвельт, передвигался – первый инсульт. Потом второй. В результате паралич. И началось – клиники, санатории, врачи, потом его к искусственному жизнеобеспечению подключили. Считай, трупом пять месяцев под капельницей пролежал. Марина все терпела, хотя страдала ужасно. А как умер – новые неприятности: судебный процесс по наследству, – Зверев прищурился. – Я к ней летал тогда в Италию, в Швейцарию. На суде даже однажды присутствовал – кошмар. Хуже нашего. Адвокаты, совет директоров, юридическая служба компании – ни черта нам, русским, не понятно. Но тревожно. Да, ребята, лучше быть богатым и здоровым.

«И получить в результате к собственной славе и состоянию капиталы швейцарского магната, – резюмировал про себя Кравченко. – Так попереживать очень даже можно. От такого «кошмара» мало кто у нас откажется».

– С Андреем Марина познакомилась в момент острого душевного кризиса. Ну помните, Элизабет Тейлор в «Сладкоголосой птице юности»? Та же самая ситуация. Или Вивьен Ли в «Трамвае «Желание». Между прочим, я и эти фильмы на телевидении озвучивал.

– Неужели вы дублировали и таких прославленных актрис? – наивно-ядовито осведомился Мещерский. – Это грандиозно! Значит, ваш голос позволяет вам...

– В «Трамвае» я говорил за Марлона Брандо. – Зверев жестко улыбнулся. – Вы меня с кем-то перепутали, Сережа. *Мой голос*, – он сделал особое ударение, – для озвучивания прекрасного пола не годится. К счастью.

– А вы слышали Андрея на сцене? – Кравченко быстро перевел разговор на другую тему. – Он вообще пел в театре или нет?

– За границей – да. Вернее, только начинал петь. Марина в прошлом году – они только-только зарегистрировали брак – устроила ему три выступления в своих концертах. Успех был ошеломляющим. Ну как всегда у нее. И в Италии о нем заговорили, как о втором Маркези, новом Алессандро Морески.

– Это кто такой, простите? – уточнил Мещерский.

– Ну, это публика все той же оперы. Я пас в этих вопросах, – Зверев нехорошо усмехнулся. – По этому поводу вам Майя Тихоновна лекцию пусть прочтет, она мастерица. – Зверев уходил от объяснений, и стало ясно – громкими именами он, видимо, сыплет просто так, *для понта*. – А у нас Андрюше все как-то не везло. Новые оперы сейчас почти не ставятся, даже в Большом. А такие, с «изыском», на знатоков, – тем более. В «Геликоне» вон осилили «Орфея», Олег Рябец блеснул и... Мода, конечно, модой, но везде свои сложности. А потом, конкуренция, интриги. Вот Марина и решила профинансировать постановку Штрауса в Малом Камерном – благо деньги теперь свои. А теперь все рухнуло. Все планы ее, все надежды. Жаль.

– Жаль, – Кравченко кивнул. – Я мало знал Андрея Шипова, но даже с первого взгляда мне показалось, что это был достойный Марины Ивановны человек. Этот парень производил впечатление талантливой, глубокой и обаятельной натуры.

Мещерский воззрился на приятеля: когда тот оставляет свой жуткий жаргон, то изъясняется весьма картинно и витиевато (ну, если опять не валяет ваньку, естественно). Однако даже и тогда строит речь весьма точно бьющей на один, весьма важный эффект.

– Да? Вы так считаете? – Зверев затушил сигарету в пепельнице. – Марине будет дорога такая ваша оценка, но... – Он поднялся, стряхнул пепел с френча. – Но вы действительно *очень мало* знали этого глубокого, талантливого и обаятельного юношу.

Кравченко молчал.

– Милиция дала какие-нибудь гарантии в том, что убийца будет найден? – спросил Зверев, так и не дождавшись ответа собеседника.

– Кто у нас сейчас дает какие-либо гарантии! – пылко воскликнул Мещерский. – Я попытался спросить прокуроршу, так она даже говорить со мной не стала.

– Сейчас многих убивают. Так нелепо, так жутко. У нас в студии музыкальный редактор была: замужняя, дети там, внуки уже. Однажды вечером муж позвонил с работы: еду, мол, жди, ужин разогревай. Ждали-ждали, а наутро вызывают в управление милиции, что метро обслуживает (не знаю, как правильно это называется), – Зверев вздохнул. – Мужа опознавать. Кем-то убит – разmozжили череп. А что, как... Страшно становится. Господи боже, в какой дикой стране, в каком беспределе полнейшем мы обречены жить! И теперь вот нашей семьи весь этот ужас коснулся. Так, в одночасье, нелепо, так беспричинно...

– Почему же беспричинно? – спросил Кравченко. – Убийства *без причины*, Григорий Иванович, не бывает.

– Но разве ненормальному нужен повод для того, чтобы кого-то убить?

– Ненормальному? А с чего вы взяли, что Андрей стал жертвой именно ненормального?

– Ну, вы же сами третьего дня говорили за столом об убийстве шабашника, что его убил сумасшедший и что милиция его ищет.

– Ах да, конечно. Я что-то совсем забыл об этом от расстройства, – Кравченко кротко улыбнулся. – Несомненно, между двумя этими происшествиями существует прямая связь. Вы правы.

– И милиция тоже так считает? – спросил Зверев.

– Откуда же я знаю? Они нас в свои планы и версии, как видите, не очень-то посвящают.

– Но вы же дружите с этим, как его... он мне говорил свою фамилию – я забыл... С этим энергичным, быстрым, как ртуть, парнем, язык еще у него хорошо подвешен, – Зверев щелкнул пальцами, – с Сидоровым! Он ведь вроде ваш знакомый.

– Мы знакомы недостаточно близко, – улыбнулся Кравченко. – А это мало значит для таких людей, как этот сыщик.

– Значит, на его откровенность вам рассчитывать не приходится?

– Да господи, с чего вы взяли?

– А я-то болван. – Зверев засмеялся, потом прикрыл рот рукой, оглянулся на дверь и вернул на лицо скорбную мину. – Полночи ведь не спал от любопытства, а? Все думал: хоть вам-то по благу, может, что-то стало известно. Эх! Это дело, ребята, меня глубоко волнует, – продолжал он уже иным – серьезным и проникновенным – тоном. – Потому что касается моей сестры, человека, которого я очень люблю и уважаю и хотел бы оградить от всяческих несчастий. Понимаете меня?

– Да, – Мещерский кивнул. – Мы тоже многое бы отдали, чтобы облегчить горе Марины Ивановны.

– Спасибо. Сестра будет тронута вашими словами. Ну, извините, если что не так. Идемте вниз. Обстоятельства таковы, что без чашки крепчайшего кофе нам более существовать воспрещается. А может, к кофе и что-то покрепче потребуется добавить.

Внизу в столовой сидели Агахан Файруз, Майя Тихоновна и Алиса. Перед последней стояла початая бутылка джина и пакет с апельсиновым соком. Увидев Зверева, Алиса низко опустила голову. Потом взяла бокал с соком, бутылку и поплелась на террасу. Зверев даже не взглянул в ее сторону. Он отошел к буфету, где теперь воцарилась гигантская черная кофеварка, и, словно заправский бармен, занялся приготовлением кофе.

Файруз застыл, подобно статуе, над тарелкой, где лежали остатки вчерашнего цыпленка. Майя Тихоновна, напротив, беспрестанно двигалась: то садилась, то вставала из-за стола, плыла в гостиную, бесцельно включала там телевизор, выключала, снова возвращалась.

– Не могу, – пожаловалась она басовито. – Все думаю, как она там, милочка моя.

– Марина так и не выходила? – спросил Зверев чуть дрогнувшим голосом.

– Нет. Ночью я слышала, как она все бродит там, бродит. В половине седьмого, утром, попросила, чтобы к ней пришел Егорка. Этот тоже всю ночь не спал. Тут просидел со мной, проплакал. Ну, они вдвоем сейчас там. И никого более она видеть не хочет. О господи, господи, за что нам такая беда? За какие такие грехи? – Майя Тихоновна подперлась мощной дланью. – Коротко наше счастье. Мелькнет и покинет нас навсегда.

Агахан Файруз неожиданно с грохотом отодвинул стул и вышел из столовой, плотно прикрыв за собой дверь. Женщина проводила его взглядом.

– А вы что же, молодые люди? Ешьте, ешьте. Сегодня день – не дай бог никому такой. На пустой желудок такие дни терпеть – только язву наживать. Давайте ваши тарелки. Без разговоров, ну!

– Майя Тихоновна, а кто такой Алессандро Морески? – спросил Мещерский, желая ну хоть что-нибудь спросить и, быть может, отвлечь эту толстуху от горестных мыслей.

– А-а, этот. Можете в зале взять диск и послушать. Это недавно реставрированная и восстановленная редчайшая запись голоса последнего солиста папской капеллы в Риме. Он умер в начале нашего века, перед Первой мировой. У Мариночки обширная коллекция редких записей. Есть настоящие жемчужины. – Майя Тихоновна с тяжелым вздохом потянулась за кексом с изюмом. – Она ее в Италии начала собирать. Любимые вещи с собой всюду возит. Слушает.

– А Морески был кастрат? – спросил Кравченко.

– Солист папской капеллы – в те времена, естественно, да. Его голос производит на меня лично не очень приятное впечатление. В нем нет души, одна виртуозная техника.

– Нам сказали, что Андрея в Италии принимали как нового Морески, – осторожно заметил Мещерский.

– Да, он имел определенный успех. Но не забывайте: Андрюша пел в концертах Марины. Вместе с Мариной, той, которую в Италии критики называют La Divina – Божественная. А таким титулом могли похвастаться лишь титаны – Мария Каллас, Джоан Сазерленд, Патти, Фаринелли. На вечере в Римской опере присутствовал папский двор, сам Берлускони был. Море цветов, овации. Марина специально для премьеры спела арию Далилы, и театр едва не обрушился от восторга. Ах, если бы вы только видели! Я плакала как ребенок! А потом они с Андреем спели арию Оберона из «Сна в летнюю ночь». Что тут началось!

– Дуэтом пели? – поинтересовался Мещерский.

Майя Тихоновна снисходительно улыбнулась.

– Эту партию обычно поет меццо-сопрано, но написана она Бриттеном для редчайшего мужского голоса. И когда в концерте публика имеет счастье сравнить оба исполнения – мужское и женское, – сами понимаете: знатоков хлебом не корми, дай послушать. Впрочем, у нас в этом мало кто толк понимает. Это забава для тонких ушей. В Италии их, видимо, больше.

– Мы поняли, что на такие голоса, каким обладал Шипов, сейчас в мире мода, – заметил Кравченко.

– Вы правильно поняли. Сейчас идет определенная волна – воскрешается музыка барокко. А к моде все прилагается: успех, известность, деньги, первоклассные постановки, интерес публики. Недавно одного нашего русского сопрано пригласили на юбилей принца Эдинбургского – сами понимаете, каков уровень, – Майя Тихоновна горделиво вздернула подбородок, словно это она спела в Букингемском дворце. – Андрея тоже ждало яркое будущее, с его-то голосовыми данными... И если бы только не... Господи, вот горе-то! Какое горе!

– А вы давно знакомы с Мариной Ивановной? – сочувственно полюбопытствовал Кравченко.

– Пятнадцать лет без малого. Сейчас, после смерти моего мужа, мы даже ближе, чем когда-либо.

– Ваш муж был тоже музыкант?

– Мой муж был скряга, скандалист, пьяница, но... поверьте, юноши, на слово – фантастический жеребец. Я ему все, подлецу, за это прощала. Все – до капельки. Влюблена была как кошка до самой последней минутки. Бегала за ним – от всех его бесчисленных шлюшек отрывала чуть ли не силой. Словом, не давала покоя, как вон наша Лиска Князю Таврическому не дает.

– Таврическому?

– Это мы Гришу так зовем между собой по-домашнему, – Майя Тихоновна покосилась на дверь – после приготовления кофе Зверев ушел из столовой, захватив с собой несколько сэндвичей на тарелке. – Как Потемкина. Хорош собака. И с годами только лучше делается. С мужчинами так бывает. У них ведь разница с Мариной восемь лет, а ему больше тридцати девяти не дашь, правда?

– А у него есть семья?

– Они с Мариной одного поля ягоды: браки, браки, детей вот только что-то не видно. Он и сейчас с какой-то живет. Какая по счету, сказать затрудняюсь. Но значительно его моложе – девочка прямо совсем: вроде журналистка, а может, и путанка какая. Только недолго ей им владеть. Мы с Шурой думали, что здесь уж на этот раз у наших все сладится и... Впрочем, вам это, юноши, наверное, неинтересно.

Мещерский чуть было не воскликнул: «Напротив, продолжайте!» – но вовремя прикусил язык: торопиться выведывать сплетни не следовало. Всему свой час.

– А с похоронами как же теперь быть? – Майя Тихоновна недоуменно воззрилась на собеседников. – Агахан, естественно, обо всем договорится, уже в Москву нашему агенту звонил и юристу. Только ведь они, ну, милиция, теперь все волокитить, наверное, будут?

– Да, действительно, по делам об убийствах тела родственникам возвращать не торопятся, – поддакнул Кравченко. – Они еще судебно-медицинскую экспертизу проводить должны.

– А разве там, на месте, ее не провели?

– Нет, что вы. Это дело долгое и кропотливое.

– А я думала все. И что же, вскрывать его будут?

– Обязательно.

– А если Марина не позволит?

– Ее разрешения никто, Майя Тихоновна, и спрашивать не будет. По таким делам вскрытие обязательно. Закон диктует.

– Закон-закон! У нас все вроде закон, а поглядишь... Она переживать будет. Очень.

– Что поделаешь.

– Сереженька, Вадим, а нельзя как-нибудь повлиять, а? Ну, чтобы *не было* этого вскрытия. Ведь и так ясно. Они же даже знают, кто убийца. Ведь ищут же его, психа-то, а? – Глаза Майи Тихоновны сверкнули остро, точно у сороки, нацелившейся на бутылочный осколок. – Ищут илине *ищут*?

– Ищут, сказали.

– Тогда зачем издеваться над останками? *Может, взятку дать?*

– За что, Майя Тихоновна? – усмехнулся Кравченко.

– Ну, чтоб оставили его в покое, дали бы возможность похоронить как положено, по-христиански.

– Давай не давай, а все равно вскрытие будет. Этого не избежать.

– Никак?

– Увы.

– Ой, горе-горе. – Она встала из-за стола и направилась в гостиную.

Приятеля последовали за ней. Там Майя Тихоновна включила телевизор, где шли очередные утренние «Новости».

– Вы заметили, какие сейчас злобные дикторы? – сказала она чуть погодя. – Прямо так и ест тебя глазами, словно ненавидит. Точно злейший враг ты ему. И по всем программам так, хоть передачи никакие не смотри. Ну, если вы политические противники, то и грызись меж собой по-тихому. А зрители-то тут при чем? А то прямо яд какой-то каждый день выпитываешь. Словно анчар в твоей комнате распустился – прямо дышать нечем становится.

– *Дышать?* – Мещерский вдруг нахмурился. – Вам трудно дышать? Отчего?

– Да от ненависти, я же говорю. Аромат зла. Форменный анчар, Сереженька.

– Да, да, анчар, – Мещерский кивнул и встретился взглядом с Кравченко.

Тот стоял у окна, смотрел на озеро и теперь обернулся.

– Прогуляться не хочешь? – спросил он.

– Пойдем.

– Идите, идите. Если этот ваш знакомый из милиции приедет, сообщите нам: что, как. Этот молодой человек с родинкой, похожий на графа Альмавиву,¹ вчера мне клятвенно обещал, что сегодня непременно заглянет. – Майя Тихоновна переключила телевизор на тре-

¹ Персонаж из оперы Россини «Севильский цирюльник».

тий канал, где шел любовный сериал, и убавила звук. – На озере сейчас рай. А «дома наши печальны». Что ж – божья воля. Надо терпеть.

Глава 7

Анчар

Прогулялись они не дальше, чем за угол дома. Там на лужайке, обсаженной туями, среди густо разросшихся кустов сирени под полосатым тентом полукругом стояли плетеные кресла, низкий столик и два уютнейших дивана-качелей, обтянутых фиолетовой тканью. Диваны казались такими мягкими, покойными. И качаться на них в солнечный день, прислушиваясь к шелесту листвы и пению птиц, было, вероятно, весьма приятно. Кравченко плюхнулся на диван. Тот заскрипел, алюминиевые опоры его дрогнули, подались. Кравченко уперся каблуками в землю.

– Ну и что скажешь?

Мещерский придвинул плетеное кресло так, чтобы сесть в тени тента.

– А что я могу сказать тебе, Вадя?

– Метко ее братца тут окрестили: Князь Таврический – и вправду ведет он себя соответственно.

– Я б его окрестил Павлин Таврический.

– А кстати, Павлин Иваныч весьма бесцеремонно пытался нас растормошить. Но и сам разоткровенничался – насколько искренне только вот. Но факт сам по себе примечательный. Посчитал, что мы знаем о происшедшем больше остальных. Наивный малый, а?

– Если отбросить кое-какие обстоятельства, мы с тобой, Вадя, действительно знаем об убийстве Шипова несколько больше других. Мы ведь, в конце концов, созерцали место происшествия.

– А ты думаешь, никто из этих, – Кравченко кивнул на дом, – *не созерцал до нас места происшествия?*

Мещерский молчал.

– Итак, основных версий может быть только две, – продолжил Кравченко, покачиваясь на диване. – Либо Шипова пришиб беженец из дурдома, либо с ним покончил кто-то из тех, кто вот уже третьи сутки подряд желает нам доброго утра за завтраком. Тебе какая версия больше нравится? Молчишь. А ведь это я логически развиваю твой эмоциональный ночной взглас: «Я так и знал, что-то случится». Вот и случилось.

– Умное умозаключение.

– Какое умею, такое и делаю.

– Ничего мы не делаем, Вадя. Ни черта! Это-то меня и тревожит больше всего.

– А я в детективы-добровольцы пока еще ни к кому не нанимался. Понаслышке знаю: наипаскуднейшее это занятие.

Мещерский отвернулся.

– А Елена Александровна, между прочим, действительно с самого начала о чем-то догадывалась, факт, – продолжал Кравченко. – Много я бы отдал, чтобы узнать, что она там тебе недорассказала. И лопух ты, Серега! У родной бабки не мог ничего выудить толкового!

– Я в эти дела с мистической белибердой не вникаю.

– Но ты сам сказал: «Я так и знал».

– А, – Мещерский отмахнулся. – С тобой говорить иногда невозможно.

– Это потому, что я всегда прав. А знаешь что? – Кравченко растекся по дивану, точно огромная медуза. – После беседы с Павлином Иванычем кое-что мне тут представилось в несколько ином свете, чем раньше. Препротивный он мужичок, а?

– Тебя раздражает то, что он известный актер и, что греха таить, писанный красавец, не чета нам с тобой.

– Я так мелко не плаваю, мон шер, запомни. Не в этом дело. Просто кое на кого я тут иными глазами начал поглядывать.

– Наверняка на девицу Алису, – фыркнул Мещерский.

Кравченко улыбнулся.

– Вот познакомились мы тут с совершенно посторонними нам людьми, – сказал он задумчиво. – Посидели за одним столом, выпили рюмку-другую. Но ведь и понятия не имели, в какие отношения вступим с ними в самом недалеком будущем.

– Ни в какие отношения мы пока ни с кем не вступали.

– Ошибаешься, брат. Узелочек уже завязался. И сдается мне, завязали его намеренно именно тогда, за столом, в первый наш вечер, когда мы, вернее, ты...

– Вернее, ты, Вадя.

– Ну да, когда мы *поведали всей честной компании об убийстве того пропойцы на дороге*.

– Я так не считаю. К тому же тогда первую скрипку за столом играл Файруз. Именно он первым начал рассказывать об убитом. Мы только уточняли факты.

Кравченко поднял брови:

– Мы им рассказали все, и весьма подробно. Вот в чем дело. Возник прецедент. А им мог кто-то воспользоваться в своих целях. Ну ладно, эти выводы еще вилами на воде писаны, нечего пока гадать. Ты вот лучше скажи: кто тебя тут сейчас больше всех интересует? Только честно.

– Честно? – Мещерский почесал подбородок. – Естественно, ОНА.

– А кроме нее?

– Корсаков и Файруз.

– Почему?

– Я, например, так пока и не догадался, кем доводится Зверевой и что делает в ее доме этот крашеный бугай. А Файруз... ну отчего это ему *пришла фантазия вдруг оказаться иранцем*? Кстати, интерес к иностранцам – это наша общенациональная черта. И потом... Тебе не кажется, что он совершенно непохож на правоверного?

– Не мусульманин?

– Ну да, не похож.

– Оттого что вино пьет за ужином?

– О каких мелочах ты говоришь? Не в этом дело.

– А в чем?

– Так, – Мещерский уклончиво пожал плечами. – Ты же знаешь, я на Ближнем Востоке работал, кое-что повидал. А тут, наоборот, кое-чего не вижу. Что, заинтриговал? То-то. Ну а тебя кто тут больше всего прельщает? Алиса? Только честно.

– Александра Порфирьевна.

– Бабуля в пижаме?

– Бабуля в шелковой пижаме и с сигаретой, а иногда... Ты ничего не заметил?

– Нет.

– Она чрезвычайно элегантно, прямо шикарно крутит «козьи ножки».

– «Козьи ножки»?

– Ну да! Этот жест характерен для тех женщин, которые побывали на войне. Для фронтовых подруг, понимаешь? Я с одной такой бабулей в госпитале познакомился, когда лежал – ну, сам знаешь после чего. С виду была – божий одуванчик. А оказалась – бывший снайпер. В войну двести восемьдесят фрицев замочила, чуть до рекорда Людмилы Павличенко не дотянула. Я перед такой бабулей – сосунок. А ты вообще...

– У тебя воображение пылкое, Вадя. – Мещерский снисходительно потрепал приятеля по руке. – Надеюсь, в убийцы ты бабу Шуру не запишешь?

– В убийцы, Сережа, официально пока записан один-единственный человек – некий гражданин Пустовалов Юрий Петрович. Чудище с топором, ножом и сдвинутой набекрень психикой.

– Где он, интересно, прячется? – спросил Мещерский. – Если, конечно, прячется, а не является плодом милицейских фантазий. Может, он и не сбежал ниоткуда, а? Хотя... Столько дней без еды, без крыши над головой.

– Озерный край, Северная Ривьера. – Кравченко повел рукой, словно предъявляя эту самую «ривьеру» приятелю. – Да тут, Серега, можно спастись целому батальону олигофренов: леса, скалы, ключи везде бьют, ягоды-грибы. Так что если дурачок наш неприхотлив к климату и по причине утренних холодных зорь не откочевал куда-нибудь на юг как дикий гусь, то...

– Твой Сидоров его наверняка возьмет с поличным. Не смей меня. У них убийцы годами в розыске числятся. Годами! Они ж работают нерасторопно.

– Это их дела: расторопно – нерасторопно. Ты вообще что в этом понимаешь? Ничего. Потому что ты штатский. Шпак по-нашему. И молчи. Они свои дела пусть делают. А мы... мы тут такие же дачники, как остальные. И все. Пока...

– Простите, если помешал. – Они вздрогнули от неожиданности: Агахан Файруз бесшумно появился из кустов сирени. «Ишь ты, витязь в тигровой шкуре – бархатные лапы, – хмыкнул про себя Кравченко. – Бархатные лапы – железная хватка. Интересно, этот восточный мен слышал, о чем мы тут судачили?..»

– Марина Ивановна просит вас уделить ей полчаса, – тихо и скорбно возвестил секретарь.

– Марина Ивановна? Сама? – Мещерский вскочил, едва не опрокинув кресло. – Где она?

– Наверху. Она вас ждет.

– А вы с нами? – спросил Кравченко.

– Я? – Файруз опустил глаза, отчего на смуглые щеки его легла тень густых ресниц. – Нет. Я должен съездить на заправку. Машина сегодня может понадобиться.

– А далеко тут заправка?

– Не очень. У пристани, где я вас встречал. Там финны участок земли взяли в аренду и построили автостанцию. Очень удобно стало.

– Финны... Я гляжу, цивилизация в этот милый край в лице северного соседа грядет семимильными шагами.

– Семимильными? – Агахан старательно повторил, видимо, незнакомое ему слово.

– Это мера длины такая: семь миль – большой шаг, – пояснил Кравченко.

– Ах да, миля, – Агахан повторил слово по-английски, – простите.

– Да господи, за что, Агахан? Это вам спасибо за известие. Мы уже идем к Марине Ивановне. – Кравченко едва-едва не шаркал ногой перед вежливым секретарем.

Они чуть не бегом вернулись в дом. Первое, что бросилось Мещерскому в глаза вниз, в гостиной, – огромный букет траурно-багровых астр в напольной вазе: кто-то совершил налет на клумбу в саду. В гостиной находилась только Алиса Новлянская: вроде бы читала книгу. На приятелей она даже не взглянула.

Они поднялись по лестнице и свернули по коридору направо. Мещерский подумал, что надо бы получше изучить этот обширный дом. Снаружи, например, если стоять на лужайке, обсаженной туями, можно увидеть огромное панорамное окно застекленной террасы-лоджии второго этажа. Но вот как в нее попасть отсюда, изнутри? В коридор выходило сразу несколько дверей – новеньких, финского полированного дерева «под мореный дуб», явно появившихся здесь после недавнего ремонта.

Одна из дверей, мимо которых они проходили, была распахнута настежь. Они заглянули туда: узкая спальня-пенал, обставленная современной и весьма простой, если не сказать скудно-спартанской, мебелью: низкий диван с полкой-стеллажом в головах, шкаф-купе. На диване валялся варварски скомканный костюм «Рибок» и одна грязная кроссовка. С полки стеллажа свисал строгий собачий ошейник в шипах. На кресле-вертушке зияла раскрытой «молнией» огромная бейсбольная сумка «Милано бисте». Мещерский решил: наверняка это спальня Георгия Шипова.

– Егор, вы не могли бы... – Он перешагнул через порог: никого. Обитатель, видимо, только что вышел: и дверь не захлопнул, да и телевизор оставил работающим – маленький переносной, на нем черный ящик видеоплеера. Звук и тут был отключен. Но сначала внимание приятелей привлек не телевизор, а нечто другое. На стене, обклеенной новомодными белесыми обоями, висели два явно чужеродных для этой скучной комнаты предмета – два красочных плаката-портрета. Один – афиша внушительных размеров, с которой ослепительно улыбалась Марина Зверева, облаченная в причудливый древнеегипетский убор и ужасно похожая (явно благодаря усилиям своего гримера) на знаменитый портрет царицы Нефертити. Четкая надпись внизу на английском, итальянском и немецком языках извещала о бенефисе «Русского чуда – непревзойденного славянского меццо-сопрано» в «Аиде» на сцене «Ла Скала». Второй, еще более грандиозный плакат, занимавший большую часть стены, изображал не кого-нибудь, а самого Бенито Муссолини в парадно-декоративной форме римского берсальера. Кравченко, вошедший вслед за приятелем в комнату, пристально изучал надменный подбородок, стальной взгляд и шикарный черный берет с петушиным пером, лихо сдвинутый набекрень напыжившимся дуче. Затем перевел взгляд на диван, откуда Шипов-младший, вероятно, и созерцал лежа оба плаката, и хмыкнул: «Ну и ну».

Мещерский же не отрываясь смотрел на экран. Нажал кнопку на пульте, включая звук. Шла запись какого-то костюмированного концерта-бала. Где – бог весть. Может, в Монте-Карло, может, в Ницце. В общем, обстановка там была, как на великосветском приеме. Посреди залитой огнями хрустальных люстр залы, полной разнаряженных дам и господ в смокингах явно не русского покроя, танцевал Рудольф Нуриев собственной персоной в костюме... Золушки. И даже хрустальные туфельки его были безупречно прозрачны.

Танец окончился овацией. А затем следующий кадр – любительская камера запечатлела смеющихся Нуриева и Звереву в толпе гостей. Какой-то краснолицый апоплексического вида старичок обнимал их за плечи и что-то говорил, сверкая жемчужной вставной челюстью. «Наверняка Генрих фон Штауффенбах», – подумал Мещерский. Потом возник новый кадр: Зверева на возвышении у рояля царит над умолкнувшей толпой. Огни, отраженные хрусталинами люстр, чей-то поднятый бокал, чья-то улыбка и...

Мещерский сразу узнал вещь, которую исполняла Зверева: ария Надира из «Искателей жемчуга». Эту арию всегда пел тенор, но здесь, на этом вечере, где все, видимо, делалось шиворот-навыворот, Зверева так же, как и Нуриев, *шалила* на свой лад: «В сиянье ночи лунной тебя я увидал» – она пела эту знаменитую мужскую арию по-русски, тоже, видимо, специально.

Когда голос ее затих, Мещерский переключил запись вперед, но далее на кассете появились только какие-то волосатые молодчики в грязном исподнем белье и оглушительно вдарили «металл». Он выключил звук.

– Ладно, идем отсюда. Она ждет. – Кравченко смотрел на Муссолини. – А занятный он парень, а? Наводит на размышление.

Мещерский тоже решил про себя, что к Шипову-младшему стоит приглядеться повнимательней.

Зверева действительно ожидала их с нетерпением. Услышав музыку «Искателей жемчуга», она распахнула двери террасы и теперь стояла на пороге. Мещерского удивило в ее облике многое. Сильно напудренное, распухшее от слез лицо. Нарочито подчеркнуто, даже с какой-то непристойной яркостью накрашенные губы, ресницы – она словно бы гримировалась для сцены, но грубо, неумело, потому что руки дрожали, и краска-тушь расплывалась от текущих слез.

Поразила его и фантастически безупречная прическа: крупные завитые локоны лежали волосок к волоску, точно над ними только что трудился лучший парикмахер. Потом до Мещерского дошло: это же парик! Превосходного качества парик, подобранный в тон ее собственным волосам.

И еще его весьма неприятно удивило обилие драгоценностей. Зверева, облаченная в очень простое с виду и очень дорогое черное платье, выглядела так, словно рекламировала ювелирный магазин: серьги, колъе, браслет, перстень, крупные бриллианты, безжизненно-тусклые в солнечном свете. Но все это неприятное впечатление от выставленного напоказ богатства мгновенно улетучилось: Зверева шагнула им навстречу, крепко обеими руками обняла Мещерского за шею и зарыдала на его плече.

– Помогите мне, ради бога, помогите, не оставляйте, не бросайте меня, найдите его, – шептала она быстро, не делая даже пауз, чтобы перевести дыхание. – Я прошу вас, прошу, умоляю.

– Марина Ивановна, милая, сядьте. Мы здесь, с вами... Мы всей душой... Все, что пожелаете... Любая помощь. Одно ваше слово... – лепетал потрясенный Мещерский.

Они усадили женщину на диван. Пока приятель пытался успокоить ее, Кравченко быстренько окинул взглядом террасу. Мебель здесь была гораздо богаче и элегантнее, чем на первом этаже, где еще сохранялся скромный стиль покойного дирижера Новлянского. Здесь же, наверху, все успели переделать, перепланировать и декорировать на новый лад в соответствии с рекомендациями дизайнеров.

– Ну почему он? За что, скажите мне? – шептала Зверева. – Я не понимаю. Ну ответьте же мне! Объясните!

– Успокойтесь, пожалуйста. Вам надо выпить. Это сейчас самое необходимое дело. – Кравченко весьма энергично включился в процесс успокаивания вдовы.

– Что? Я не понимаю? – прошептала она.

– Я спущусь в гостиную, поищу в баре бутылку. Вы как предпочитаете: покрепче, послабее?

– Не надо спускаться, не оставляйте меня! – Зверева цепко впилась в его рукав. – Возьмите здесь. Там у окна, внизу.

Долго искать выпивку не пришлось: мини-бар оказался в стенной нише, украшенной массивным бронзовым распятием. Кравченко выбрал початую бутылку джина, плеснул в стакан на два пальца.

– Для голоса не вредно?

– Боже мой, боже мой. – Она словно и не слышала вопроса, протянула руку, стиснула стакан. Выпила до дна одним глотком. И от нее сразу резко запахло алкоголем.

– Марина Ивановна, располагайте нами полностью. Мы все для вас сделаем. Все! – пылко выпалил Мещерский.

– Андрей умер. – Она подняла на него глаза – серые, без голубизны на этот раз, лихорадочно блестящие. – Почему ЕМУ попался именно он? Ну почему?!

– Успокойтесь, – произнес Кравченко как можно мягче. А про себя отметил: «Какая увядшая у тебя кожа. Если сидеть вот так близко, то все видно, все твои морщинки. Никакими подтяжками ничего уже скрыть нельзя».

– Мы с Сергеем от всего сердца соболезуем вам и скорбим вместе с вами, – продолжил он проникновенно. – Ваш муж был замечательный, но... что случилось, увы, уже непоправимо. И теперь надо думать не только о мертвых, но и о живых. Понимаете, Марина Ивановна?

Она судорожно тискала в руке стакан. Мещерский испугался: еще раздавит, порежется.

– Позвольте... – Он попытался вытащить стакан из ее крепко сжатых пальцев, бриллиантовый перстень сверкнул радугой огней и угас. И так же внезапно угасли и ее глаза.

– Я никогда не думала, что такое может случиться в моей семье, – прошептала она.

И вдруг уронила стакан, а он не разбился – покатился, покатился по полу, пока не зацепился за ножку кресла.

– Вы сказали: Андрей попался «ему», – Кравченко чуть отодвинулся от женщины, выпрямился. – Под «ним» вы подразумеваете того, кого разыскивает милиция?

– Он как чувствовал, как чувствовал, а я...

– Сбежавший психопат мог напасть на любого из нас, на первого же попавшегося ему прохожего. Это сама судьба так распорядилась, – осторожно заметил Мещерский. – Не надо себя ни в чем винить. Но выходит, Андрей не хотел идти на шоссе?

– На шоссе? – Зверева вздрогнула. – Да, они мне говорили о шоссе, что его там нашли. Но как он там очутился?! Я не могу понять. Они же с Егоркой еще вчера хотели опробовать новый мотор на лодке. Петя привез из Финляндии, но сам он ничего в технике не понимает. А Андрей, он тоже, конечно, не понимает... не понимал, но он так жаден был до всего нового, так радовался всему, так хотел доказать, что он...

– Что он что? – насторожился Кравченко.

– Ничего. Это уже не важно теперь, – она всхлипнула. – Мы расстались с ним здесь, в этой комнате. Он хотел идти на озеро. А потом приехала милиция и сообщила, что он... у колодца... там... – Зверева закрыла лицо руками.

– Марина Ивановна, мы внимательно вас слушаем, – Кравченко наклонился к ней. – Значит, теперь *вы хотите, чтобы мы делали то, за чем вы нас сюда вызвали?*

– Не оставляйте меня, – полные плечи ее тряслись точно студень. – Я не знаю даже, что вам сказать, как вас попросить ОБ ЭТОМ. Но... умоляю вас! Я заплачу сколько скажете! Только найдите его, отыщите, ведь вы умеете это, вы знаете, как это делается... Вы... Поймайте его, пока он не убил кого-то еще!

– Вы хотите, чтобы мы с Сергеем занялись поисками сбежавшего психа?

– Да, да! Отыщите убийцу моего мальчика, я заплачу сколько скажете! Умоляю.

– Марина Ивановна, а вы абсолютно, на все сто процентов уверены, что тот полоумный беглец и убийца вашего мужа – одно и то же лицо? – тихо спросил Кравченко.

Она взглянула на него – глаза ее были сухи и снова блестели, словно у больного в горячке.

– Я не понимаю вас, Вадим.

– Все вы прекрасно понимаете. Вы уж простите, если в эту минуту я скажу кое-что не совсем приятное. Но в такой ситуации я вынужден отбросить всякие сантименты. Сережа, помолчи, пожалуйста! Так вот. Я хочу услышать от самой Марины Ивановны, коль она сама теперь возвращается к тому, о чем просила в одном письме, от которого впоследствии отказалась, *очертить нам рамки*, так сказать, наших будущих действий. Так нам искать убийцу Андрея *исключительно за пределами этого дома* или и в этих вот гостеприимных стенах *тоже?*

Зверева закрыла глаза. Мещерскому стало до боли жаль ее: Вадька не понимает, что ли, что так нельзя? Это все равно что бить лежащего. Ведь самое страшное для нее сейчас – это мысль о том, кто убил. Она действительно *все прекрасно понимает*, ведь она мудрая женщина. Только ей очень хочется услышать от посторонних, чужих ей людей спаситель-

ную весть: «Не мучай себя, не плачь, не казни, не терзай себя еще и из-за ЭТОГО. Все это не имеет к близким тебе людям никакого отношения. Да, твой четвертый муж погиб, царствие ему небесное, но это всего лишь трагическая случайность. И ОНИ, те, которых ты любишь, чисты перед тобой. Это все тот ненормальный, которого ищут в округе с собаками и фонарями, и вот уже выследили, уже почти схватили и вот-вот будут судить...»

– Успокойтесь, – снова попросил он. – Мы – ваши друзья и не сделаем ничего такого, что причинит вам боль. Поверьте, все, что мы говорим, о чем спрашиваем, – все это ради вас.

– Я верю, спасибо, – певица кивнула. – Я... мне только страшно об этом говорить. И страшно слышать...

Кравченко поднялся и отошел к окну. На фоне озера и темно-зеленых сосновых крон он смотрелся весьма живописно.

– Марина Ивановна, ответьте нам, пожалуйста, только искренне: в том самом письме вы просили помощи и защиты? – спросил он громко.

– Просила. Но это очень глупое письмо! Мне стыдно за него.

– Письма пишут под влиянием чувств. А стыдятся чувств только бесчувственные болваны, простите за грубый каламбур. То письмо и описанный в нем сон были следствием стресса, который вы пережили. Так вот, я хотел бы узнать: что конкретно, при каких обстоятельствах и где именно с вами приключилось?

Мещерский искоса наблюдал за Зверевой. Она явно колебалась. Рассказывать что-то после смерти Шипова и, главное, после весьма недвусмысленного намека Кравченко о замешанной в преступление семье было для нее очень даже проблематично. И она взвешивала про себя, а надо ли посвящать чужих в мир своих переживаний, подозрений и страхов.

– Стресс – это сильно сказано, Вадим. – Голос ее, однако, прозвучал очень спокойно. В него даже вернулись певучие мягкие обертоны. Ни следа от того взвинченного истерического шепота, возгласов, полных рыданий. – Просто... просто мне было как-то не по себе. Мороз по коже прошел.

– А что именно случилось? После каких событий вам приснился тот сон? – не выдержав, влез Мещерский.

– У меня был день рождения. Собрались гости, все очень поздно закончилось. Заснула я только под утро. А потом Андрей разбудил меня и сказал, что я кричу во сне. И я сразу же вспомнила, что мне приснилось. Все так отчетливо стояло перед глазами. И мне стало жутко.

– А где вы отмечали день рождения? В ресторане?

– Нет, на подмосковной даче. Я купила дом на Николиной Горе – дивное место. Совсем дешево купила, старый дом, милый. Конечно, пришлось его сломать и построить новый. Считайте, заодно мы отмечали и новоселье.

– Собралось много гостей?

– Нет, только моя семья.

– Все те, кто приехал к вам сюда?

– Да.

– Все-все? – настаивал Кравченко. – Или кого-то все-таки не было?

– Все. Ближе их у меня никого нет.

– А это была ваша первая встреча с семьей после вашего приезда из-за границы?

– Нет, почему? С чего вы взяли? Я же там не в изгнании жила. Мы часто виделись.

– Со всеми? Я не считаю вашего мужа, вашего секретаря, Майю Тихоновну и Александру Порфирьевну – я знаю: эти люди всегда были с вами. Но остальные?

– Петя с Алисой регулярно навещали меня, и в Милан приезжали, и в Лугано – они же учились в Италии, и потом тоже, когда закончили учебу. И когда мой муж был жив, и позже. Егорка последний год жил с нами, я хотела, чтобы он тоже учился в Италии. И Дима часто гостил. И мой брат.

Тут Мещерский хотел было вернуть вопрос про Корсакова, но не успел. Кравченко захватил инициативу в свои руки.

– Значит, все эти люди виделись с вами часто, в том числе и после вашего брака с Шиповым. Я понял. Спасибо. Но продолжайте дальше, пожалуйста: итак, был вечер ваших именин – как водится, тосты, пожелания, поздравления и что... потом?

– Мне вдруг стало плохо.

– Обморок?

– Нет, вы не поняли, – Зверева покачала головой. – Я ощутила вдруг себя как... ну, как мошка, которую гнетет столб атмосферного давления. Ужасная тяжесть. Мне нечем было дышать от... *ненависти*, – голос ее дрогнул.

– От ненависти? – нахмурился Кравченко.

– Да. Я вдруг всей кожей ощутила, что со мной должно произойти нечто дикое, ужасное, потому что эта волна ненависти, которую я почувствовала, адресовалась именно мне.

– Это исходило от кого-то из ваших гостей?

– Я не знаю. Но ненависть витала в комнате, где мы сидели, в доме. Я не знала, что мне делать, как спастись.

– Но в чем это выразилось? Вы поймали чей-то ненавидящий вас взгляд, кто-то что-то сказал в ваш адрес, намекнул?

– Нет. Все это было... ну, в воздухе, что ли, – певица плавно повела рукой. – Напряжение. Электричество – как перед грозой. И я все ждала: вот грянет гром и убьет меня наповал. Но... ничего не произошло тогда.

– Было нечем дышать, – сказал Мещерский.

– Как? – Она заглянула ему в глаза. – Как вы сказали?

– Анчар, – Мещерский взял ее руку и почтительно поцеловал, – «яд каплет сквозь его кору, к полудню растопясь от зною...». Ядовитые пары отравленного дерева, от них невыносимо дышать.

Кравченко вернулся к дивану. Было видно, что поэтическое отступление не произвело на него должного впечатления.

– Итак, вы почувствовали угрозу, скажем так, – продолжил он невозмутимо. – И реальную угрозу?

– Я не понимаю вашего вопроса. Я просто испугалась. А тот сон стал защитной реакцией. Те ужасные вещи, которые я намеревалась проделать с кем-то во сне, наверняка возникли в моем подсознании как отображение моего предчувствия относительно того, как именно могут поступить со мной.

Кравченко поморщился: он не терпел дебрей доморощенного психоанализа.

– А в какой момент праздничного вечера вы все это ощутили? Ну, в начале, когда все приезжали, когда сели за стол, когда первый тост подняли за ваше здоровье?

– Я не помню. Разве можно отождествить свои ощущения с ходом времени? Я сидела, все было хорошо, потом вдруг испугалась. И это все.

– Но вы ведь о чем-то разговаривали за столом?

– Я не помню.

– Вспомните. Должно было прозвучать что-то, что на миг привлекло всеобщее внимание: тост, здравица, шутка, подарок. – Кравченко перечислял медленно, давая ей возможность восстановить это в памяти. (Если пожелает, конечно, – он отчего-то был уверен, что она *не пожелает*.)

– Ах да, подарок, – Зверева выпрямилась. – Агахан еще сказал... Да, да! Подарок – он тогда впервые сообщил мне в присутствии всех, что процесс о наследстве выигран. Ему звонил мой адвокат из Милана и сообщил, что завещание моего покойного мужа признано действительным и по нему я становлюсь единственной законной наследницей всего имуще-

ства. Агахан еще сказал: «Это как подарок вам, Марина Ивановна, ко дню рождения». И предложил по этому поводу выпить шампанского.

– Марина Ивановна, я вам сейчас задам несколько бестактный вопрос: господин Генрих фон Штауффенбах действительно оставил вам солидный капитал?

Она кивнула и пояснила:

– Я не имею полномочий влиять на процессы производства, всем по-прежнему распоряжается совет директоров компании (это оговорено в завещании). Но в остальном полная хозяйка всему я. И это намного больше того, что я заработала своим трудом. А поверьте, мне платили всегда очень хорошо.

– Охотно верю. Но мне бы хотелось, чтобы вы назвали сумму.

Зверева смерила любопытного взглядом.

– Всего шестьсот восемьдесят пять миллионов долларов.

Кравченко аж присвистнул, заметно заволновался. Он никак не ожидал такой баснословной суммы.

– А зачем же... зачем, имея такие деньги, вы вернулись?

– Как это зачем? Что вы имеете в виду?

– Ну, зачем вы вернулись сюда, вы же теперь... в любой стране, да что в любой, вы теперь...

– Странно, что мне надо это объяснять вам, – Зверева поджала накрашенные губы. – Впрочем, мы однажды много лет назад уже обсуждали эту тему с Руди, и он, мудрый человек, сказал мне...

– С кем, с кем? – переспросил Кравченко.

– С Рудольфом Нуриевым. И он сказал мне: «Тебя, Марина, не поймут так же, как сейчас не понимают меня». О, он хотел вернуться домой, особенно в последнее время, когда уже болел, умирал. Но с ним обошлись как с... А я-то знала, как ему хочется. Ах, да что говорить! Но у меня никогда не было таких проблем, я никогда не считалась *невозвращенкой*. Мне повезло: *они* всегда смотрели сквозь пальцы на мои зарубежные контракты и на мое замужество. Естественно, я даже тогда продолжала отчислять деньги со своих гонораров – это, видимо, всех и успокаивало.

– А вы меняли гражданство? – поинтересовался Мещерский.

– Сначала это было невозможно. А теперь я по-прежнему гражданка своей страны, а также Италии и Швейцарии.

– О двойном гражданстве слышал: РФ тире Израиль, а вот о тройном... Надо будет своему работодателю намекнуть, когда немного оклемается. Может, и мне паспорт с изнанкой купит на всякий пожарный, – хмыкнул Кравченко.

Мещерский украдкой наступил ему на ботинок: «Не до пошлого зубоскальства тут. Заглохни».

– Я вернулась, Вадим, потому что мне очень захотелось, – продолжала Зверева. – Надоело все как-то там. И потом, Андрей мечтал, чтобы о нем услышали и заговорили здесь, дома, в России. И я тоже этого желала, потому что русский певец, обладавший таким божественным даром и таким уникальным голосом, каким обладал Андрей, должен был прогреметь здесь. Прогреть! И я бы сделала все, чтобы помочь ему стать звездой прежде всего русской оперы. Оплатила бы все – постановку, режиссера, художника, наняла бы оркестр, я бы... – Она сжала рукой горло, словно колье душило ее.

Наступила долгая, тягостная пауза. Нарушить ее отважился Кравченко:

– Мы, Марина Ивановна, останемся с вами здесь, не волнуйтесь. Или поедем туда, куда вы захотите переехать.

– Я никуда отсюда не уеду до тех пор, пока мне не назовут имя того, кто это сделал с Андреем!

– Ясно. Тем лучше.

– Отсюда вообще никто не уедет, – глаза Зверевой сверкнули. – Не посмеют. Все останутся здесь со мной.

– Тем лучше, – снова повторил Кравченко. – А теперь, поскольку мы друг друга хорошо поняли, решим вопрос о деньгах.

– Вадим! – Мещерский негодуя всплеснул руками.

– Решим денежный вопрос, – упрямо гнул свое Кравченко. – И вопросы обо всем другом оснащении и обеспечении тоже. Нам с Сергеем, возможно, потребуется машина.

– Ради бога! Агахан отдаст вам ключи. В гараже за домом его машина, мой «Феррари» и еще там другие... «Жигули» можете брать когда захотите, в любое время.

– Андрей Шипов сам водил «Феррари»?

– И он и я. Но у меня что-то зрение стало сдавать. Обычно меня возит Агахан.

– А «Жигули», очевидно, принадлежат Егору?

– Нет, это машина Димы. Можете пользоваться ею, он не будет препятствовать.

– А у Георгия, Егора, значит, машины нет?

– Мы купили ему спортивный автомобиль, но он остался в Италии, там авария небольшая произошла. Ничего серьезного, мальчик не пострадал. Надо будет тут купить ему что-нибудь.

– Ясно, – Кравченко кивнул. – Значит, с деньгами поступим так: на текущие расходы и оплату поступающей информации – на все это пусть ваш секретарь составит калькуляцию.

– Но откуда же Агахан может знать, сколько денег вам потребуется?

– Пусть не скупится, – Кравченко широко улыбнулся. – О нашем гонораре поговорим тогда, когда у нас будут конкретные результаты. И поверьте, Марина Ивановна, мы бы с удовольствием и дальше чувствовали себя вашими гостями, но... частный сыск имеет свои законы. Это удовольствие не из дешевых.

– Хорошо, хорошо! Я заплачу сколько скажете. А вы прежде искали преступников? – осведомилась она.

– В роли семейных детективов никогда.

– А кем вы вообще работаете?

– Телохранителем. Чугунов Василий Васильевич, слышали про такого? Это мой босс.

– Чудовище. Я его по телевизору видела.

– Что подделаешь. Иных клиентов пока фортуна мне не подбрасывала.

– У Генриха, естественно, была охрана, но я как-то к ней мало имела отношения. В Швейцарии это вообще излишняя роскошь. Меня саму тоже охраняли, когда я пела на зарубежной сцене, – это входило в контракт. Но мне казалось, что все это чисто условно: декорации для престижа театра.

– Напрасно вам так казалось. С такой звездой, как вы, доверяют работать не всякому телохранителю, а только профессионалу высочайшего класса.

– Ну, не знаю. – Она нахмурилась. – Это все очень утомительно, и я всегда обходилась без этой чепухи. Думаю, и в будущем обойдусь. Мне никогда прежде не приходило в голову опасаться за свою жизнь. – И при этих словах она неожиданно осеклась и умолкла.

– Умер ваш муж, Марина Ивановна. – Кравченко скорбно покачал головой. – Это пока все, что нам известно.

Глаза Зверевой подернулись влагой.

– Так я могу на вас надеяться? – спросила она.

– Конечно. А напоследок хотелось бы попросить вас об одном личном одолжении.

– О каком?

Кравченко склонился и по примеру приятеля поцеловал женщине руку.

– Если возникнет необходимость, мы будем приходить к вам и задавать вопросы. А вы будете стараться на них ответить. Если же вопрос вам покажется слишком личным, глупым, назойливым или бестактным, вы нам все выскажете на этот счет, но потом все равно попытаетесь ответить. Договорились?

– Договорились. Только я не привыкла откровенничать о своих делах с кем бы то ни было.

– Об этом я догадался. И учту. И последнее, – Кравченко встал. – Почему позавчера вы пытались отказаться от того письма? Почему утверждали, что все написанное в нем – глупость? Еще *счастье какое-то упомянули*, помнится...

Мещерский дернул его за рукав: «Довольно, хватит, ты же с женщиной, болван, разговариваешь. С жен-щи-ной. И какой!»

– Когда мы приехали сюда, в этот дом, я сначала беспокоилась, но все оказалось так чудесно! – Зверева сплела пальцы. – Я тут и думать о своих страхах забыла. И к тому же мне было совестно признаться в таком постыдном малодушии. Кому понравится воскрешать в памяти навсегда вычеркнутый из жизни кошмар? Вы приехали, я была вам очень благодарна, и мне хотелось, чтобы вы просто пожили тут у меня, потому что вы очень хорошие, добрые, отзывчивые и великодушные молодые люди. У вас, Вадим, взгляд открытый, и смеетесь вы заразительно. И даже когда так сурово и испытующе, совершенно *по-взрослому* на меня смотрите, как сейчас, например, все равно я чувствую, как вы чудесно молоды, как победительно, покоряюще молоды. И я... я невольно вспоминаю себя в ваши годы. А теперь вот буду вспоминать Андрея. Вас удивило, что я говорила о счастье. Господи, какие восхитительные, наполненные счастьем мгновения мы пережили здесь с ним. И я словно чувствовала: так не хотелось, чтобы их хоть что-то омрачило, даже воспоминание о кошмаре. Хотя бы даже призрак, напоминающий о нем. И ваш искренний порыв – приезд сюда, предложение помощи – все это казалось таким лишним тогда. Не обижайтесь на меня, умоляю.

– Вы любили Андрея? – тихо спросил Мещерский.

– Любила. И только сейчас поняла как.

– А он вас? – это спросил Кравченко.

Но ему она не ответила. В дверь властно постучали. Затем, не дождавшись ответа, вплыла Майя Тихоновна. Голова ее была обвязана влажным полотенцем.

– Мариночка, девочка моя золотая, ласточка, я не могла больше ждать, – прогудела она. – У меня сердце просто на куски рвется. Ну что мне сделать, чтобы помочь тебе?

– Майя, Майечка, его нет с нами!

Приятеля на цыпочках покинули террасу, где, несмотря на ослепительное солнце за окном, снова хлестал ливень безутешных слез.

Подруги, обнявшись, проливали их на грудь друг другу. И это было зрелищем отнюдь не для посторонних глаз.

Глава 8

Агент 00

– Ну а теперь куда? – спросил Мещерский. – Вообще, если честно, я очень смутно представляю дальнейший план наших действий.

– А не будет никакого плана, Серега. – Кравченко (разговор этот происходил внизу, в гостиной) наклонился над вазой с цветами и вытащил оттуда самую крупную астру. – Самое вредное это занятие – что-то планировать да рассчитывать. Не компьютеры ж мы. Человек – существо творческое, хаотическое. И вообще, если ты ввязался вот в такую мутную хреновину, где, с одной стороны, вроде бы все понятно, а с другой – ни черта, надо не планы изобретать, а слушать свой внутренний голос и...

– Он утробно урчит, Вадя.

– Слушать и поступать под влиянием мгновенной прихоти. Импульс, усек? К этому и твои компьютеры стали стремиться. Вон Каспаров с ящиком электронным сыграл «по плану», а что вышло? Кукиш с маслом. А надо было творчески, то есть пальцем в небо. – Кравченко улыбнулся. – На вот пока талисманчик на счастье. – Он протянул приятелю астру.

– Прекрати.

– Не хочешь – не надо. Мне и самому пригодится. – И он начал деловито ощипывать цветок, точно куренка на суп.

– Совсем рехнулся? – вскипел Мещерский. – Что ты делаешь?

– Жду.

– Чего?!

– Сейчас вернется Файруз с заправки, я заберу у него ключи и на красивой машинке двину в город.

– Зачем?

– Кину беглый взгляд на местный отдел *унутренних дел*. Сидорова проведу. Пошепчемся с ним, если он захочет, конечно.

– Ты считаешь, что именно это сейчас надо делать?

Кравченко пожал плечами:

– Я же сказал, Серега, что буду что-то предпринимать сейчас не потому, что это *надо*, – я еще даже не знаю, что означает это слово в данной ситуации. Я просто пойду по линии наименьшего сопротивления.

– Ну и в чем эта линия заключается? – Мещерский не понимал, куда гнет его приятель, и от этого нервничал.

– Она заключается в том, чтобы найти себе союзника за пределами этого богоспасаемого домишки, – снисходительно пояснил Кравченко. – Мы должны подстраховать себя на тот случай, если убийцей Шипова, к всеобщему облегчению, действительно окажется тот беглый идиот.

– Так тебе Сидоров все и выложит, – ехидно парировал Мещерский.

– Эх, Сережа. *Как именно* к ментам я отношусь, да и вообще к представителям карательных органов, ты знаешь лучше других. Но Сидоров – случай особый. Ты в симпатию с первого взгляда веришь?

– Не верю.

– Правильно. И я не верю. Но он нужен нам. А мы нужны ему. Позарез. И если он даже это не понял пока, все равно очень скоро до него дойдет. Убийство этого мальчишки – Сопрано, как ты его называешь, – случай из ряда вон выходящий. Счастье наше, что это произошло в такой вот дачной глуши – пока еще никто ничего не пронюхал. Но стоит только

пронюхать, кто именно овдовел и какие деньги стоят на кону, эта сенсация затмит все. Когда это случится (Господи! Сделай так, чтобы не случилось никогда), тут настанет форменный ад, и нам можно будет тихо паковать манатки и уматывать. Так что надо пользоваться моментом и получить, пока не произошла огласка, по этому делу максимум информации. Естественно – за так сейчас никто и на ладонь не плюнет, – поделившись, в разумных пределах, тем, чем располагаем мы.

– С Сидоровым поделиться информацией? – подозрительно уточнил Мещерский.

– Угу.

– Только с ним одним?

– Угу. Я думаю, делиться с кем-то *нами* не в его служебных интересах. Мы станем жирным плюсом в его графе «личный сыск».

– А какую же информацию ты от него желаешь получить в первую очередь?

– Результаты осмотра трупа и места происшествия.

– Да мы ж там вместе с ним все осматривали!

– И тебе все там ясно, Сереженька? – вкрадчиво осведомился Кравченко.

– Ну, не знаю... вроде все. Напали из кустов, ударили ножом, оттащили к колодцу, чтобы спрятать тело, а тот забит оказался, ну и бросили. А что еще? Следы если только... Да там не было следов, не нашли. И отпечатков пальцев не было. Не с травы ж их снимать. Микрочастицы еще, правда... Но я не знаток в этих делах.

– Ну а мне, если на то пошло, многое неясно из того, что мы *вроде бы видели*. И кое-что я не прочь бы себе растолковать получше. Но... ой, смотри-ка, иранец появился, – Кравченко кивнул на ворота, у которых только что затормозила «Хонда». – И тут тоже, между прочим, есть одна любопытная деталька.

– Какая?

– Файруз вскользь заметил, что *машина может понадобиться*. Правда, кому – не уточнил. Но сдается мне... В общем, если я сначала думал, что Зверева вне себя от горя, скорбит, никого, кроме этого мальчишки-собачника, к себе не пуская, то выходит, что и нет. Успела-таки сквозь слезы дать секретарю кое-какие ЦУ. И если учесть, что обращение к нам за помощью она хочет, видимо, сохранить в тайне от домашних, желание это на иранца вроде бы и не распространяется. Файрузу она доверяет.

– А что в этом удивительного? Он же ее личный секретарь, – фыркнул Мещерский.

– Мне было бы любопытно узнать, насколько откровенна со своим секретарем та, которая «пускаться в откровенности не любит». Ну да ладно. Пойду изыму ключи. Прокатиться до отдела не желаешь?

– Нет, – Мещерский покачал головой. – Если хочешь знать мое мнение – это пустая трата времени.

– Бездумно тратить время, коротая чудесные сентябрьские деньки в этих экологически чистых местах, пытаясь скудным своим умишком раскрыть всякие жуткие кровавые тайны... Эх, Серега, да мы еще вспоминать эту осень озерную будем. – Кравченко швырнул остатки ощипанной астры на ковер. – Помяни мои слова. Как вернемся домой в эту нашу свинскую карусель – еще пожалеем.

– О чем? – Мещерский бледно улыбнулся.

– О том, что на нашу долю выпало мало приключений.

– По мне – уже чересчур.

– Мда-а, три жмурика: два наяву, один во сне. Ты, кстати, обещал мне кое-что и обещание не выполнил.

– Какое обещание?

– Пересказать поподробнее то письмецо. – Кравченко погрозил приятелю пальцем. – Ладно, выше нос. Где наша не пропадала. Сейчас полдвенадцатого. Смогаюсь по-быстрому, авось успею отловить опера до здешней сиесты.

Мещерский наблюдал в окно, как его друг о чем-то коротко переговорил с секретарем Зверевой, затем деловито угнезвился за рулем «Хонды» и отбыл.

На этот раз, чувствуя себя весьма комфортно и уверенно – колеса есть колеса, особенно такие, как этот глянцевого новенький «мобиль», – Кравченко старался внимательно осматривать то, мимо чего ехал. Получить ключи у Файруза оказалось делом очень простым. Иранец протянул смуглую ладонь и, пробормотав: «Пожалуйста», – отдал их без вопросов, поинтересовался только: «Эта марка автомобиля вам знакома? Или вас проконсультировать?»

«Либо ты проницательное создание, приятель, и сечешь все с лета, либо вопрос о том, чтобы втянуть нас с Серегой в «поиски убийцы», решался именно с твоим участием, – думал Кравченко. – Но почему мадам Зверевой взбрело на ум взять себе в секретари иранца? Где она его откопала? В притонах Сан-Франциско, – промурлыкал он, – лиловый негр вам подавал манто».

Дорога вырвалась из леса и вдруг уперлась в железные ворота. Те бесшумно открылись, точно компьютеризированный, оснащенный телекамерами Сезам. А потом вдоль обочины снова замелькал частокол сосен и запахло хвоей, нагретым солнцем асфальтом, горьковатым дымом – где-то на дачах жгли палую листву. Кравченко сбавил скорость, стремясь не пропустить тот поворот к озеру, где раскинулась стройплощадка банкира Гусейнова. «Нет, это потом, это подождет, там я еще успею побывать», – решил он и сворачивать не стал.

Вот лес наконец закончился, и снова в глаза ударил свет – яркий, отраженный огромной массой воды: впереди открылась панорама Ладоги, пристань (весьма оживленная на этот раз – у причала стояла питерская «Ракета» и две баржи), автобусная остановка, заполненная народом, а чуть дальше – новенькая финская автозаправка с вереницей выстроившихся машин.

Потом пейзаж резко изменился: курортно-ухаженный ландшафт остался в стороне: до Сортавалы было добрых двадцать пять километров, а городок, куда направлялся Кравченко (куда в прошлый раз их возили в прокуратуру), был всего лишь обычным рабочим поселком городского типа. Замелькали косые пятиэтажки – серые, в потеках сырости, с покривившимися балконами с развешанным на них разноцветным тряпьем.

Следом потянулись унылые, похожие на стеклянные ангары провинциальные магазинчики – некоторые заколоченные, другие, напротив, щеголяющие пластмассовыми вывесками-козырьками и старательно выполненными в подражание «западному» стилю аляповатыми вывесками: «Торговый дом», «Трейд юнион корпорейшн», «Супермаркет». Посреди пыльной площади – центра города – одиноко, как пенек на пожарище, торчал памятник вождю. На него тут никто не покушался, все махнули рукой. Напротив, у остановок автобусов, вдоль всей дороги кипела суетная жизнь – оптовая ярмарка. Палатки, ларьки, тенты. На самодельных прилавках – снедь, средства от клопов и тараканов, туалетная бумага, колготки, трусы, и тут же рядом сельский натуральный продукт – связки золотистого лука, огурцы, картошка, творог в железных лотках, бидоны с молоком, корзинки и ведра с яблоками, капустой, кабачками.

Возле каждого прилавка – да что прилавка, просто груды пустых ящиков, колченогих самодельных подставок – сновали люди: покупатели, зеваки, карманники, прохожие. И все это пестрое горластое торжище щупало товар, пробовало на вкус, взвешивало купленное на допотопных весах, спорило о цене, материлось, сокрушалось о дороговизне, подсчитывало барыши, просило милостыню...

Кравченко ехал в этой вавилонской толчее со скоростью черепахи и все-таки едва не влип в аварию: что-то темно-зеленое низенькое вдруг возникло прямо перед капотом – точно карлик из-под земли вырос. Кравченко нажал на тормоза.

– Ты что?! – взревел он. – Тебе жить, что ли... – И осекся.

На проезжей части в двух шагах от машины сидел на дощатом щите с колесиками безногий парень в камуфлированном комбинезоне. Впрочем, комбинезоном этим он пользовался только наполовину – верхней курткой. Нижняя же часть – обе штанины – была отрезана, потому что так же отрезаны (почти по самое бедро) были и ноги. Лицо калеки – молодое, одутловатое – побагровело от усилий. Он опирался левой рукой на короткую палку, которой отталкивался от земли, направляя свою «тачку». Другая такая же палка выпала и откатилась почти под самые колеса «Хонды».

– Прости, браток... не рассчитал, – выдохнул парень. И Кравченко явственно ощутил ядреный водочный дух. – Думал, проскочу. Да вот не смог.

Кравченко полез под машину, достал палку.

– На. Помочь?

– Я сам.

– Да ладно – сам. Тебе на какую сторону?

– Вон к остановке.

Кравченко нагнулся, обнял парня за торс, приподнял и, толкая перед собой ногой «тачку», перенес калеку на тротуар к остановкам желтых рейсовых «Икарусов».

– Как девку ты меня. – Инвалид смотрел снизу вверх, задрал голову. Кравченко увидел, какие голубые (точно васильки) и молодые у того глаза. А вокруг, несмотря на молодость, – лучики морщин. – Спасибо.

– Из Чечни?

Парень кивнул.

– Живешь здесь?

Парень снова кивнул.

– А что ж так вот? Родных, что ли, нет?

Кравченко чувствовал, что краснеет (а с ним это ой как редко случалось!).

– Так проще. Никаких претензий никому. – Инвалид поудобнее уселся на своем месте. – На протезы собираю помаленьку. Торопишься?

– Нет.

– Тогда на вот деньги. – Парень полез в нагрудный карман. – Купи мне пивка бутылочку, а то я до окошка не дотянусь.

Кравченко повернулся, нашел первый же ларек, отоварился там двумя бутылками «Баварского» пива и бутылкой «Жигулевского». Потом он отдал пиво инвалиду, а сверху положил сотенную.

– Денег не жалко? – инвалид вертел в руках бумажку. – Много даешь, брат, щедрый ты. Машина у тебя классная. Под такой и подохнуть легче.

Они встретились взглядами.

– Ты это брось, – Кравченко кусал губы: ему было отчего-то стыдно, да так, что впору сквозь землю провалиться. Только вот отчего? – Брось, слышишь? Не смей.

Он повернулся и пошел к оставленной посреди дороги «Хонде», в которую уже успела упереться фарами какая-то облезлая «единичка», исходившая визгливым сигналом. Инвалид смотрел ему вслед.

– Эта машина не моя! – вдруг крикнул Кравченко, высовываясь из окна. Крикнул, сам себе удивившись, словно оправдывался перед этим безногим мальчишкой-алкоголиком в чем-то донельзя недостойном и грязном.

Но к зданию отдела милиции он подъехал уже совершенно прежним Вадимом Кравченко.

Он вышел из машины, включил сигнализацию – «клиф» пискнул придушенной крысой – и вразвалочку зашагал к дверям, украшенным черной доской с тусклой надписью: «Городской отдел внутренних дел».

Надо работать. Работа делает свободным. От всего.

А в отделе пахло катастрофическим авралом. Кравченко сразу же понял это и по растерянному-раздраженному лицу дежурного, восседавшего за древним пультом (такие водились еще в отделах НКВД при грозном Лаврентии Палыче), и по тому, как на первом этаже, где помещался отдел уголовного розыска, беспрестанно хлопали обшарпанные двери, и по тому, с каким безнадежным упорством до зубов вооруженный заступающий на дежурство патруль ППС внимал наставлениям разводящего. Что ж, два нераскрытых убийства в районе за трое суток – ЧП.

На вопрос, где он может найти начальника отделения уголовного розыска по раскрытию тяжких преступлений против личности капитана Сидорова, дежурный молча ткнул в глубь коридора.

По дороге он мельком оглядел окружающую его обстановку: бедность, простота, доходящая до аскетизма, и та казенная чистота, которая бывает только в казармах, на гауптвахтах и в инфекционных изоляторах. Здание отдела давно нуждалось в капитальном ремонте – стены, пол, потолок словно молили о нем. Но... Однако даже тут все словно корова языком слизала – ни пылинки, ни паутинки.

Сидоров оказался в тринадцатом кабинете. Сидел он в полном одиночестве и, бормоча тихие проклятия, пытался починить портативную рацию. Нетрудно было бы вычислить и то, что два, а то и три последних дня опер безотлучно скоротал на месте службы. Об этом свидетельствовало и помятое лицо, и такие же помятые летние брюки-«бананы», которые в столице давно уже вышли из моды, и не совсем свежий воротничок рубашки, выглядывавшей из-под хлопкового свитера. От Сидорова исходил весьма причудливый и многослойный аромат: мятной резинки, которую он лениво перекатывал за щекой, какой-то ядовитой туалетной воды, коей он явно злоупотребил в это утро, и еле-еле заметное под всем амбре алкоголя.

Появлению Кравченко он вроде бы и не удивился. Поздоровался через стол, улыбнулся лениво и вместе с тем снисходительно. И Кравченко тут же подумал, что в Сидорове многое, наверное, должно нравиться местному прекрасному полу: и его небрежно-уверенные манеры, и это состояние вечного легкого подшофе, и сила его рук, и улыбка, и эта бархатная родинка-мушка на смуглой, гладко выбритой щеке. «Бабник ты, Шура, в натуре. И через баб многое в этой жизни имеешь. Но и теряешь через них тоже немало», – умозаключил Кравченко, а вслух изрек:

– Дело у меня неотложное. Но прежде хотелось бы узнать: как мы сегодня беседовать будем – на «ты» или на «вы»?

– А тебе как хочется? – усмехнулся Сидоров.

– Ясно. Считаю, лед тронулся сразу. Новости есть?

– Ищем, – Сидоров нахмурился. Зазвонил телефон. Он слушал то, что ему говорили, со скучающим видом. – Ладно. Проверьте. Мы ж это уже обговорили. Сто раз, что ли, повторять? Ну ладно, сделай. Нет. Я потом сам подъеду. Са-ам! Ладно. Пока.

– Ищут пожарные, ищет милиция... Слушай, Шура, – Кравченко облокотился на стол так, что тот аж заскрипел. – Мне это дело *ой как не нравится*. Я про убийство Шипова. Про того ханыгу сказать ничего не могу, а это дрянь дело.

– Это в каком смысле дрянь? – прищурился Сидоров.

– А в том самом. И вижу, что ты это тоже уже прочувствовал. – Кравченко льстил явной (или предполагаемой) проницательности опера. Хотя, если бы тот спросил, что конкретно подразумевается под коротеньким и весьма удобным словечком «дрянь», Кравченко было бы весьма трудно объяснить это.

– Послушай, – Сидоров боком вылез из-за стола, дотянулся до двери и защелкнул замок. Тут снова зазвонил телефон, но он не обратил на него внимания. – Я тебя все спросить хочу, ты кем все-таки Зверевой доводишься?

– Честно?

– Ну, на Конституции, конечно, не надо клясться, а так хотелось бы...

– Она наняла меня и Серегу, чтобы мы нашли убийцу ее мужа.

– Мда-а, – Сидоров снова вроде бы не удивился. – Ну это сейчас. А прежде?

– А прежде... Я и сам не понял. Мещерский ее знал, вернее, одна его родственница с этой оперной дивой давно дружит. Ну та с ней делится по-бабьему. Мы и приехали. Думали все чин чинарем, как обычно: договор, охрана, сопровождение там... А Зверева вдруг на попятный: мол, ничего со мной не случилось, и пошутила – будьте моими гостями, пока не наскучите мне. Мы как дураки, в натуре, ушами хлопали, хотели уж мотать домой, а тут – бац – вдруг убийство. – Кравченко плел свою историю с простецки-вдохновенным видом.

– За лицензию дорого платил? – спросил Сидоров неожиданно.

– Нет. Вернее, сначала еле денег наскреб, потом все окупилось.

– А выгодно это?

– Смотря к кому в охрану попадешь. Если к такой, как эта дамочка, – одни убытки.

– Почему? – опер улыбнулся.

– Интеллигентна больно. На уме одна опера. Из таких деньги выжимать – хуже нет: все вроде ясно, гони монету, а они все про благородство твое толкуют и все благодарят.

– Ты кого конкретно подозреваешь? – Вопрос грянул как выстрел в упор. Кравченко поперхнулся: «Ах ты мент, тебе зубы заговаривать – труд напрасный. Ты логику слов в беседе блюдешь. Ну ладно, блюди-блюди».

– Кодекс новый приняли, – молвил он с невинным видом.

– Что? Какой кодекс?

– Уголовный. Я вот интересуюсь, строже он прежнего или как?

Сидоров смотрел на него, потом фыркнул, потом расхохотался.

– Или как, – он откинулся на спинку стула. – Ладно. Ты зачем пожаловал-то, а?

– Хочу кое-что для себя уточнить.

– Я тоже, знаешь. Сплю и вижу.

– А если убийство совершил не псих, Шура? Что тогда?

Опер никак не отреагировал на это, вообще никак: на его лице не отразилось ни интереса, ни любопытства.

– А вообще, этого вашего Пустовалова хоть кто-то из свидетелей видел в этих местах или нет? – настаивал Кравченко.

– Вроде – да, вроде – нет. Народ у нас забывчивый, опрашиваем. Городишко прочесываем, окрестности. План вон ввели по перехвату.

– Но *ты-то* что, только в одну эту версию уперся по обоим случаям? – горячился Кравченко. – Ты-то что, даже и мысли не допускаешь, что...

– Шипов Зверевой годился в сыновья, – сказал Сидоров. – Я ж тебе еще тогда это сказал.

– И что?

– А то, что такие брачные фортели не к добру. Выводы делай сам.

– Шура, а знаешь, что я тебе сейчас скажу? Ты только со стула от радости не падай. Мы нужны друг другу, как воздух. *Ферштейн*? Ты без меня, а я без тебя в этом деле – круглые нули.

– Ну, положим, и мне эта нехитрая мысль приходила. Но ты первый сказал.

– Считаться не будем, – Кравченко пристукнул по столу ладонью. – Зверева требует, чтобы нашли убийцу ее мужа: как, кто – неважно. Вознаграждение за все про все будет щедрое. Очень.

– Я mzды не беру.

– Это не mzда, а премия.

– Премии от министра приятны, от руководства. Только не дают нам что-то, все сквалыжничают... А я кланчить не люблю, не привык.

– Я тоже. Кстати, я тут одного вашего парня встретил – без ног на каталке. Из Чечни вроде. Также кланчить не привык, а милостыню просит.

– Миша-то? – Сидоров закурил сигарету. – Хороший он мужик, несчастный. Служил, между прочим, здесь, на погранзаставе, кадровый офицер. К «хоттабам» загремел по контракту: жену любил, ну и денег ей хотелось... Подарок хотел сделать. А как из госпиталя ей сообщение принесли – она, стерва, к нему даже не приехала. Отказалась от «обрубка». Вернулся он, отец у него тут был – так с горя через год умер. А Миша... Наши его в дом инвалидов хотели определить – так он отказался. И милостыню на станции теперь действительно просит. «На протез», – всем объясняет. А что за день соберет – все проплет. Конченный он. Мы ему с ребятами подкидываем, когда бабки водятся, иногда пузырь поставим, так что...

– Ты действительно уверен, что оба убийства совершил один и тот же человек? – спросил Кравченко.

В кабинете стало тихо. Потом Сидоров совсем иным тоном ответил:

– Абсолютно не уверен. Поэтому и сижу тут с тобой.

– *Ты никогда не попадешь туда, куда очень хочешь попасть*, Шура. Понял – нет?

– А куда именно я хочу попасть?

– В дом Зверевой. Вернее, в круг ее общения, ее семью. Ни-ко-гда. И ты это знаешь. Так вот. Я тебе помогу. – Кравченко наклонился. – *Я уже – там*. И я готов кое-чем с тобой поделиться и кое-что за тебя там внутри этого круга проверить.

– Что именно?

– Опрос граждан, наведение справок, наблюдение и, если понадобится, даже оперативный эксперимент.

Сидоров улыбнулся:

– Подкованный ты парень, Вадик. А знаешь, так нагло и настырно мне еще никто себя не предлагал.

– *Конфиденты* по нынешним меркам – люди небескорыстные, – теперь усмехнулся Кравченко. – И если они себя вдруг кому-то предлагают, значит, жертва эта, по их мнению, окупится.

– Ну, положим, я согласен. И даже очень рад такому нашему... ну, скажем, сотрудничеству. А дальше что?

– А дальше будем менять баш на баш. Честно и справедливо по мере возможности. Информация *внутренняя* за информацию *внешнюю*.

– А что тебе от меня нужно конкретно?

– Пока что результаты судебно-медицинской экспертизы трупа Шипова, результаты осмотра места происшествия и все о свихнувшемся Пустовалове.

Сидоров взвешивал требуемое и предлагаемое.

– И никаких там бумаженций – контрактов, подписочек и тэ пэ, – подытожил Кравченко. – Я их не люблю.

– Я тоже. Но вообще ты многого хочешь. Аппетит шире рта у тебя, Вадик.

– Я свое сказал. Решать тебе.

Опер решал недолго. Поднялся, полез в сейф, достал оттуда пачку фотографий, початую бутылку водки, а из ящика в столе два пластмассовых стаканчика.

– Один вопросик на предмет проверки искренности конфиденнта, – он разлил по стаканкам. – А сколько Зверевой лет?

– Пятьдесят два года. А ты... вы что, даже не допрашивали ее тогда?!

– Какое там! Прокурор вякнул, краснея и бледнея: а не ответите, мол, нам на вопросы, она на него глянула – он и заткнулся. Но ей, конечно, не до вопросов тогда было, понимаем. Но и сейчас, Вадик, на протокол положить такую женщину – та-а-кую женщину никто из наших тут не осмелится. Духа не хватит. Уедет – пошлют потом отдельное поручение, на МУР спихнут, а там... Ладно, это теперь уже неважно, а важно то, что шабашник Коровин убиенный тебя не интересует? Так, нет?

– Мне за него платить не будут. А он действительно шабашник?

– Действительно. То опознание участковым полностью подтвердилось. И действительно, ездил в город за водкой. На обратном пути его и замочили.

– О нем мы будем скорбеть. Пока что. Но вспомним непременно, если понадобится. А вот о Пустовалове...

– Бери снимки. Полюбуйся. Это он по первому своему делу, когда напал на соседа по лестничной площадке. У того в результате тяжкие телесные – полгода в гипсе, потом инвалидом стал.

– А чем он его?

– Как и шабашника – топором по голове, тот руками успел закрыться – раздробление обеих кистей, переломы, ну и черепная травма.

– А лицо?

– В материалах уголовного дела сказано: «неизгладимое обезображивание лица» – шрам через весь лоб. Хорошо, черепушка у соседа оказалась крепкая. Вообще – удар в лицо – это на Пустовалова похоже.

– А в горло? Ножом? – насторожился Кравченко.

Опер пожал плечами.

– Просвети меня насчет этого психа, Саша. – Кравченко рассматривал фотографии, где в присутствии понятых тот, кого сейчас разыскивала милиция, демонстрировал что-то следователю на лестничной площадке, видимо, какого-то очень старого дома. – Только странно, что вы следственный эксперимент с неменяемым проводили.

– Не мы, во-первых. А во-вторых, дело еще до судебно-психиатрической было, по горячим следам, так сказать, закрепить хотели. И тогда выводов о его здоровье никто еще никаких не делал.

– Ясенько. А почему он...

– Слушай, я тут в одно место собирался, да ты пожаловал. Получить хочу там консультацию на тот же предмет, что и тебя интересует. Мне этот псих – вот где, – Сидоров показал себе на горло большим пальцем. – Ненавижу эту публику, потому что не понимаю. А тут есть человек, который с одного взгляда их сечет. В общем, момент назрел – если хочешь, можешь прокатиться со мной. Вреда от этого, думаю, не будет.

– А куда прокатиться? – осведомился Кравченко.

– Да тут недалеко, в лесочке. Интернат там для вот таких, – Сидоров крутанул пальцем у виска, точно будильник заводил. – Лесная школа, в общем, а наши ее «Гнездом кукушки» окрестили. Там прежде и ЛТП наш районный помещался, и наркология, потом все прикрыли, трудоголики расползлись кто куда. Сейчас там только те дурики живут, какие сами того желают и кому совсем уж деваться некуда. Ну и несколько «принудиловок», но это случай

особый. Со своим режимом. А зав всей этой богадельней голова светлая. Советы иногда нам дает. Тут у нас весной из части дезертир деру дал с автоматом, шизанутый какой-то. Так ее советы очень даже пригодились. Так что и по Пустовалову...

– Ее советы? – Кравченко ухмыльнулся.

Сидоров в ответ улыбнулся обезоруживающе.

– Ладно, не цепляйся. Ты на колесах? Вот и чудненько. Только пожрать надо сначала заскочить куда-нибудь. Пельмени уважаешь? Ну и лады. Тут есть одно местечко.

Глава 9

«Гнездо кукушки»

До «Гнезда» добирались довольно долго – сначала по шоссе, а затем по весьма живописной, но ужасающе ухабистой лесной дороге. «Хонда» то и дело подпрыгивала на рытвинах, кое-как присыпанных гравием.

– Тут у нас ремонт вечный, наверное, еще со времен варягов, – рассказывал Сидоров. Перекусив вместе с Кравченко и запив обед парой банок пива, он заметно оживился. И причина подъема его настроения стала для Кравченко скоро совершенно ясна. – У озера вашего стройка кипит, лес наш валят, роют, бетонируют, грызут природу точно колорадские жуки. А тут, – опер кивнул на сосны, на гранитные валуны, поросшие разноцветными мхами, – убогим и дорога вроде не нужна. И правда, куда им таким путешествовать? «Скорая» с грехом пополам из города доедет, хлеб с крупой тоже на попутке забросят, гроб – если кто попытается – тоже: кладбище тут рядом.

– А персонал как же сюда добирается? – поинтересовался Кравченко.

– А персонал, считай, аборигены. Тут станция в двух километрах железнодорожная. Так половина персонала там в поселке живет. А сторож, повариха и старшая медсестра вообще при интернате постоянно. У них квартирки казенные во флигеле. Сторож, например, уж лет пятнадцать отсюда никуда.

– А завбогадельней? – улыбнулся Кравченко.

– У нее тоже там комнатуха. Она ж питерская сама. Ну, ее сюда по распределению в оные времена. Ничего, вроде прижилась. Седьмой год здесь.

– Одна?

Сидоров погладил мягкую обивку сиденья.

– Классная машинка, – заметил он. – Я иномарочку эту замечал тут на днях. И не только на шоссе. Это ведь айзергуд на ней катается, секретарь Зверевой?

– Он иранец. Вроде бы.

– Иранец? Чтой-то вдруг?

– А так вот, – Кравченко полуобернулся. – Я его пока еще не разъяснил.

– Ну так постарайся, поторопись, – Сидоров вальяжно раскинулся на сиденье. – Баш на баш – уговор состоялся. Да, хороша машинка. И дом у этой Зверевой – закачаешься. Хоромы.

– Они там как на Луне живут, Шура. – Кравченко прибавил скорость: дорога вроде стала поровнее. – В вакууме, как зеленые человечки. Там все совсем другое. Иная галактика.

– Брось, люди везде одинаковы. Что богатые, что бедные, что нищие – так же болеют, так же жрут, так же... – он запнулся, – словом, на гвозде в уборной у них тоже туалетная бумага.

– Но при этом унитаз золотой. Нет, Шура, кто на таком унитазе сейчас восседает, тот... Эх, да что там! Дольче вита. Она и есть дольче. Разница огромная, особенно если со всем остальным нашим дерьмом сравнивать.

– Вообще-то, конечно, вертолеты вон как пылесосы покупают.

– Вертолеты – это муть, Шура. Железки. И тот банкир ваш с его конюшней тоже муть. Портяночник, дешевка. Зверева, если только захочет, то...

– Что? Шибко богатая? – Сидоров прищурился.

– Ты даже не можешь себе представить насколько.

– Муж, он ведь по закону у нас наследник первой очереди после жены, так – нет?

Кравченко покосился на спутника: как-то резко ты, Шура, мыслительный свой процесс ведешь. Все скачками, скачками...

– А затем идут братья-сватья, – продолжал Сидоров.

– У нее сватьев нет. И детей, заметь, тоже. Белобрысы – не родные ей. Считай, что седьмая вода. Но *брат – родной*.

– А я его по телевизору в дежурке вчера слышал. Он за Траволту трепался. Фильм ночью показывали по кабельному. Э-э, сбавь, тут поворот направо, – Сидоров указал на узкую, поросшую травой колею. – А вон и избушка наша: к лесу задом – к нам фасадом. Ты погоди маленько, я с Наташей переговорю и тебя позову. Лады?

Лесная школа-интернат показалась Кравченко кощунственно похожей на музей-усадьбу одного поэта, где прошлой осенью они побывали с Катей. Старый деревянный помещичий дом с гипсовыми колоннами, «бельведером» и подслеповатыми окнами, забранными толстой решеткой. Вековые липы и клены, полуразвалившаяся «господская» ограда, круглая клумба, а на ней георгины, львиный зев и душистый табак вперемешку с сочными сорняками. Бледнолицый, тихий с виду паренек в синем ватнике старательно подметал двор новенькой метлой. В песке у ограды рылись рябые куры. Серый кот – хвост трубой – шествовал по тропинке к пожарной кадке под навесом из шифера. Скрипнула дверь, обитая дерматином, – на крыльцо дома вышла старуха в белом халате, косынке и войлочных тапочках с охапкой скомканного постельного белья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.